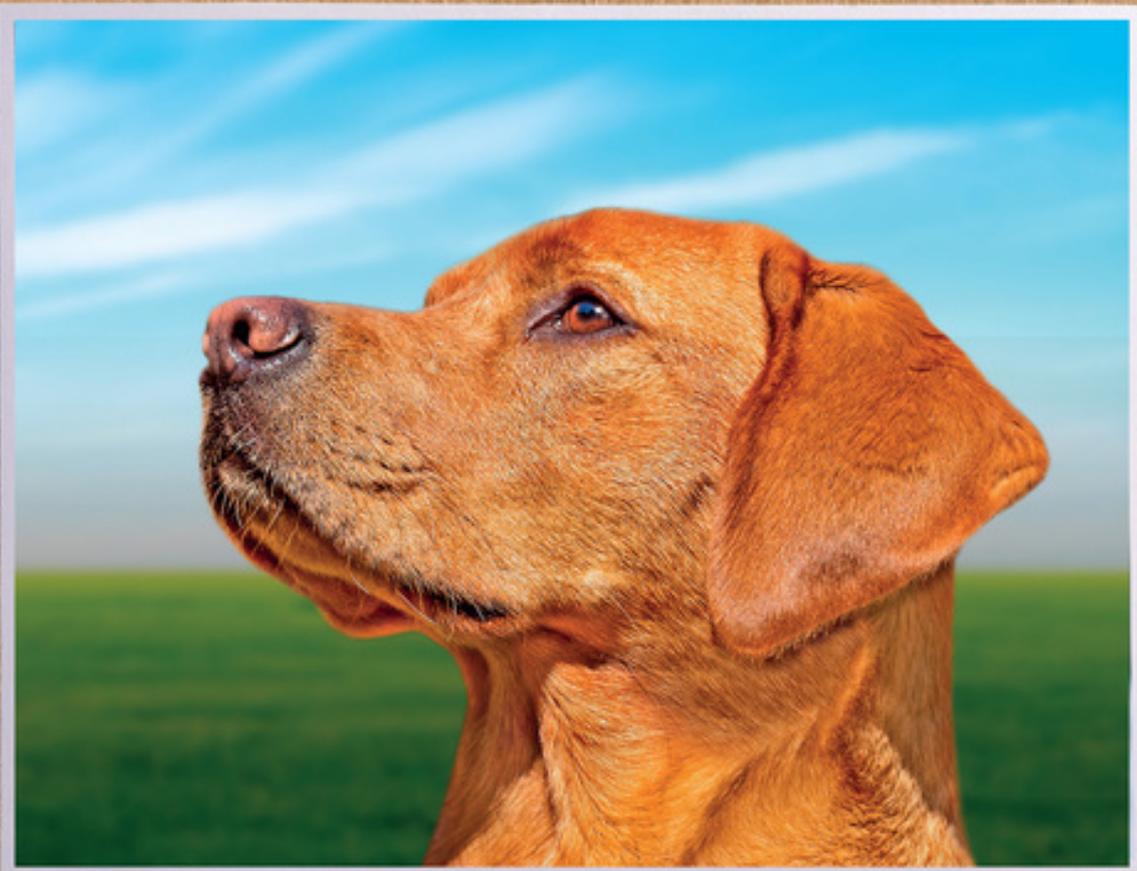

САМЫЙ
ВЕРНЫЙ
ДРУГ

Клэр Гест

Бесценный дар собаки

История лабрадора Дейзи,
собаки-детектора,
которая спасла мне жизнь

Самый верный друг

Клэр Гест

**Бесценный дар собаки.
История лабрадора
Дейзи, собаки-детектора,
которая спасла мне жизнь**

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44

Гест К.

Бесценный дар собаки. История лабрадора Дейзи, собаки-детектора, которая спасла мне жизнь / К. Гест — «Эксмо», 2016 — (Самый верный друг)

ISBN 978-5-699-97822-9

Эта волнующая и вдохновляющая книга рассказывает о том, что собаки могут быть не только милыми домашними питомцами. Из любви к своим хозяевам они способны научиться совершенно невероятным вещам. Например, спасать человеческие жизни. Клэр Гест убеждена, что собаки могут дать людям очень много. Жизнь самой Клэр была спасена одним из ее питомцев. Огненно-рыжий лабрадор Дейзи предупредила ее о труднодиагностируемой форме рака, определив болезнь по запаху, когда та была еще на ранней стадии. Опираясь на свой научный опыт и безграничную любовь к животным, Клэр смогла основать благотворительную организацию «Медицинские собаки-детекторы». Ей удалось доказать, что Дейзи и подобные ей собаки могут качественно расширить современные возможности диагностики рака. Изменить не только мир медицины, но и судьбы многих людей.

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-97822-9

© Гест К., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Введение	7
Глава 1	10
Глава 2	23
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Клэр Гест

Бесценный дар собаки. История лабрадора Дейзи, собаки-детектора, которая спасла мне жизнь

Claire Guest

DAISY'S GIFT: THE REMARKABLE CANCER-DETECTING DOG WHO SAVED MY LIFE

© Claire Guest 2016

This edition is published by arrangement with Sheil Land Associates Ltd and The Van Lear Agency LLC

В оформлении обложки использованы фотографии:

Jess Wealleans, Antonov Roman / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:

MaKars, Kamieshkova, Anna L-G, Sunny Whale, IR Stone, AcantStudio / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Степанова Л. И., перевод на русский язык, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э»», 2017

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

«Динамичная и необыкновенно вдохновляющая книга, которая подарит вам радость и поднимет настроение».

Кэти Хамбл, телеведущая, BBC

Эта книга посвящается моим маме, папе и сестрам Луизе, Николь и Симоне, которые поддерживали меня всю мою жизнь. А также всем собакам, которых я любила и которые любили меня.

Введение

Бешено виляя хвостом, наклонив голову и сверкая глазами, на меня смотрел шоколадно-коричневый кокер-спаниель Тангль. Казалось, язык его тела и выражение на морде говорили: «Ну, давай поиграем!»

– Ищи, ищи, – произнесла я, махнув рукой, чтобы усилить команду. Тангль затрусил вдоль посуды из нержавеющей стали, расставленных на полу в линию через одинаковые интервалы. Он дошел до второй с конца и плюхнулся на пол, повернув ко мне голову в поисках одобрения.

– Хороший мальчик, – сказала я, покопавшись в сумке, закрепленной на талии, где лежали его любимые лакомства. Я наклонилась, чтобы потрепать мягкую шерстку у него на голове, надеясь, что мой малыш сделал все правильно и обнаружил образец мочи с раком мочевого пузыря. Я знала только то, что среди семи образцов лишь один принадлежал пациенту с раком, а остальные шесть были пожертвованы здоровыми добровольцами.

Это был четко проведенный научный эксперимент, и только ученые и врачи могли по кодам на образцах определить, прав пес или нет. Я была уверена в результате, но, естественно, волновалась.

Тангль и пять других собак участвовали в испытаниях в лабораторных условиях. Эти испытания должны были определить, можно ли использовать собачье обоняние для того, чтобы помочь людям. Показать, что собаки могут не только вынюхивать наркотики или взрывчатые вещества, вести слепых по захламленным тротуарам или предупреждать глухих о дверных и телефонных звонках, но и использоваться в научных целях, определяя по запаху раковые клетки.

Есть много историй о том, как собаки обнаруживали рак у своих хозяев. Я могу рассказать такую же историю о себе самой – моя собака Дейзи предупредила меня о раке молочной железы, который впоследствии был успешно вылечен. Этот рак располагался настолько глубоко, что, когда бы я нашла у себя в груди шишку, лечить было бы уже слишком поздно. Однако эти истории построены на отдельных наблюдениях – нет никаких надежных доказательств их правдивости, так что хотя все, у кого жили собаки, наверняка поверят в подобные рассказы, скептики могли бы в них усомниться.

Именно поэтому были столь важны эти клинические испытания, поскольку они позволяли увидеть, могут ли собаки обнаружить рак у совершенно незнакомых им людей.

Если результаты проверки оказались бы положительными, они смогли бы продемонстрировать, почему я так уверена в том, что собаки способны оказать неоценимую помощь медикам и выявлять рак на ранней стадии.

Следующие две недели я провела как на иголках, дожидаясь окончательных результатов испытаний. Потом наступил решающий момент – прозвенел телефонный звонок. В ходе разговора мне сообщили, что наши собаки выдержали экзамен: их показатель успеха был достаточно высок для того, чтобы престижный «Британский медицинский журнал» впоследствии мог принять статью о возможности применения обоняния собак в борьбе с раком.

Тангль, показавший самые лучшие результаты из шести собак, стал главным «действующим лицом» нашего прорыва в медицину, и с тех пор мы: ученые, врачи и кинологи – стали очень востребованы. Мы работали по много часов, чтобы окончательно подтвердить тот факт, что собаки, с их носом, который во много раз чувствительнее нашего, способны стать ценным инструментом для обнаружения различных видов рака, причем используя исключительно неинвазивные методы.

Тангль был пионером нашего метода, звездой, его успех обеспечил научную достоверность нашей работе. Его фотография обошла весь мир, он появлялся на многочисленных телевизионных программах и проводил демонстрации в различных аудиториях по всей стране. Его силуэт увековечен на логотипе благотворительной организации «Медицинские собаки-детекторы», созданной для изучения возможности использовать в будущем собак для предупреждения рака.

Тангль взвалил этот тяжелый груз на свои четыре лапы. Этот пес любил, когда с ним возились, любил внимание, но больше всего он любил «играть», и его игрой была наша работа.

Для меня успех Тангля был достаточно очевиден. Ведь он был одной из моих собак – мой удивительный дружок, который работал, не жалея сил, пока в 2013 году не вышел на пенсию. Сегодня его место заняла команда других собак, отлично обученных для того, чтобы обнаруживать запахи, которые мы, люди, уловить не в состоянии. К сожалению, в 2015 году Тангль скончался, но я и множество других людей всегда будем помнить его как пса, который вошел в историю.

Все, что произошло после этого теста, кардинально изменившего ситуацию и позволившего запустить национальную благотворительную программу, возглавляемую нашим спонсором герцогиней Корнуольской, для меня стало кульминацией всей моей жизни, без остатка отданной животным. Это даже больше, чем преданность собакам, скорее, это сродство с ними, которое предопределило все остальные события.

В детстве я страдала от хронической застенчивости, и в школе меня сильно обижали. Мне пришлось пережить разрушение брака, множество неудач, преследовавших меня настолько, что я даже начала подумывать о самоубийстве, и наконец, рак молочной железы.

И все это время рядом со мной были собаки. Сейчас я занимаюсь работой, которая нравится мне больше всего на свете, я отвечаю за бесперебойную деятельность благотворительного фонда, помогающего мне организовать тренировки собак-детекторов. Я надеюсь и верю в то, что всего через несколько лет диагностика рака с помощью собак станет обычным методом и будет применяться для выявления целого ряда раковых заболеваний.

В дополнение к основному направлению мы обнаружили, что собак можно научить использовать их поразительное обоняние для того, чтобы предупреждать людей с диабетом о том, что уровень сахара в крови начинает выходить за пределы нормы, становясь либо слишком высоким, либо слишком низким. Мы обучаем собак жить с людьми, страдающими от сахарного диабета и других заболеваний, таких как болезнь Аддисона и аллергия на орехи, делая их жизнь значительно спокойней. Раннее предупреждение означает, что число госпитализаций сильно снижается, опасность обморока сведена к минимуму, а родители ребенка, больного диабетом, могут спокойно спать по ночам, а не просыпаться постоянно через каждые час или два, чтобы проследить уровень сахара в его крови. Изменения, которые приносит в жизни «аппарат» с виляющим хвостом и мокрым черным носом, кажутся просто

невероятными. Рассказы о подобных случаях до сих пор заставляют меня плакать, хотя я и так отлично знаю, на что способны собаки.

Это история моей жизни, но при этом она в значительной степени переплетается с историями о Раффлзе, Дилле, Вуди, Тангле, Дейзи и всех других собаках, чье терпение и любовь к нам, своим хозяевам, куда больше, чем мы можем себе представить. Собаки, эти верные и благодарные существа, которым не нужно ничего, кроме еды, подстилки и любви, в будущем смогут спасти еще больше жизней, чем сейчас. И моя жизнь, без сомнения, принадлежит к числу спасенных.

Глава 1 Раффлз

В объявлении в газете говорилось просто: «Спаниель нуждается в новом доме». Я сразу же позвонила и пошла посмотреть на собаку и молодую семью, которой она принадлежала. Это был красивый спрингер-спаниель с шерстью шоколадно-коричневого и белого цвета в возрасте около четырнадцати месяцев, совершенно невоспитанный. Хозяевам приходилось по-настоящему воевать с животным, они говорили, что пес абсолютно неуправляемый, разрушает их дом, уничтожая шкафы, грызя обои и все остальное в пределах досягаемости. Каждый день, возвращаясь домой после работы, молодая семья обнаруживала там полный хаос. И помимо всего прочего у них было двое маленьких детей. Пес не желал ходить на поводке, и их терпение лопалось. Когда я позвонила, хозяева уже собирались звонить в службу спасения общества защиты животных.

Я влюбилась в этого пса с первого взгляда. Он был великолепен, но вел себя как настоящий дурачок. Мы встретились на улице перед домом владельцев собаки. Тем самым они хотели показать, что могут еще забрать своего питомца обратно. По дороге от крыльца пес перевернул три бутылки с молоком и чуть не сбил с ног своего хозяина.

Я сказала, что готова забрать собаку прямо сейчас. Даже имя его мне понравилось – Раффлз.

Это был именно тот самый пес, которого я твердо решила оставить у себя. На протяжении многих лет у меня жило множество собак, и я любила их всех, но лишь к немногим из них прикипела всем сердцем. Они остались для меня любимыми и неповторимыми существами, память о которых я сохранию на всю жизнь.

И Раффлз был первым в этом ряду. Он стал одной из тех собак, которые укрепили во мне только-только зарождавшееся ощущение, что я хочу работать с животными.

В тот момент, когда Раффлз вошел в мою жизнь, я училась в университете Суонси на втором курсе. Сколько себя помню, я всегда хотела завести собаку. А как раз тогда мне пришлось выехать из студенческого общежития и найти себе новое место для жизни. Моя маленькая квартирочка располагалась в доме в Мамблз – красивой традиционной рыбацкой деревушке на побережье Гауэра в трех милях от университета. В те дни я была очень худой и спортивной, и нередко можно было видеть, как я несусь с ветерком на велосипеде вдоль берега с рюкзаком за спиной, набитым исследовательским материалом из университетской библиотеки, или качу по Синглтон-парку рядом с кампусом.

Моей квартирной хозяйкой была милая женщина, у которой имелся приусадебный участок на побережье в нескольких милях от залива Трех Скал. Я жила на первом этаже дома и для меня огромной радостью была возможность выходить на пробежку в сад, граничащий с дикими полями. С хозяйкой дома у меня установились хорошие отношения, иногда, если

она хотела уехать на выходные, я присматривала за ее приусадебным участком. Она была достаточно практичной женщиной, например, говорила мне:

– В эти выходные я уезжаю, но мне надо избавиться от глистов у моих кошек. Я оставляю это на вас.

Это означало, что ближайшие два дня я проведу, пытаясь поймать кошек, завернуть их в полотенца и запихать таблетки им в горло, и эта процедура займет не один час.

У хозяйки также жили три собаки, поэтому я сначала весьма осторожно заговорила о том, что хотела бы завести своего собственного питомца. Но неожиданно получила обнадеживающий ответ:

– Я буду только рада! Если, конечно, вы не будете оставлять его на весь день одного, пока сами находитесь в университете, или на всю ночь, если решите провести ее вне дома.

И вот через несколько дней у меня появился Раффлз. С первого дня нашего с ним знакомства я была абсолютно предана ему и, по моему ощущению, это чувство было взаимным. Меня будоражила также перспектива опробовать на нем свои приемы дрессировки собак.

В Суонси я училась на психолога, в первую очередь потому, что в курс был включен раздел о поведении животных, а это чрезвычайно меня интересовало. Сегодня есть университеты, предлагающие целые программы по специальности «Исследование поведения животных», тогда как в начале восьмидесятых это была новая и неизведанная территория, но именно она меня и привлекала. Почему? Я не могу ответить на этот вопрос.

Я не росла в доме, где жило много животных, но мои родители знали, что собаки притягивают меня, как ничто другое. При виде пушистого четвероногого существа я судорожно пыталась выбраться из коляски. Когда я была совсем маленькой, мы постоянно проходили мимо одного далматина, и только завидев его, я начинала визжать от радости. Еще практически не зная слов, я кричала:

– Пятна! Пятна!

Мама и папа купили мне игрушечного далматина, которого, естественно, я назвала Спотти (Пятнышко). Это была моя любимая игрушка, и она все еще живет у меня в доме.

Когда мне было четыре года, я решила уйти из дома, взяв свою игрушку Спотти и бутылку молока, которую нашла на пороге. Выйдя из дома, я направилась к соседнему крыльцу. Меня очень привлекала жившая там собака – маленький палевый живчик породы пембрукширский корги, которого я обожала. Оглядываясь назад с позиции тренера-кинолога, я понимаю, что он не особенно любил детей, но в то время этот пес казался мне бесконечно очаровательным. Однажды, когда я наклонилась, чтобы погладить его, пока он лежал на своей лежанке, он даже куснул меня. Этого бывает достаточно, чтобы оттолкнуть большинство малышей, но только не меня.

– Я пришла, чтобы жить здесь, – сказала я изумленной соседке, которая открыла дверь на мой стук. – Я хочу жить с вашей собакой.

Доброжелательно, но с трудом сдерживая улыбку, она взяла меня за руку и повела домой, объясняя, что я не могу жить с собакой, но в будущем, если я буду хорошо себя вести, и мама позволит, я смогу ходить вместе с ней в поле встречать ее дочь-подростка из школы и заодно выгуливать пса.

Отчетливо помню, как я была счастлива в те моменты, причем не только из-за нахождения рядом с собакой, но и от того, что я бывала за пределами мощеных улиц и садилов, уходя на природу.

Что может быть лучше, чем поле и маленький пес, который крутится у ног? Всю жизнь меня окружали зеленые луга и широкие открытые просторы. Проведя всего один день в Лондоне, я уже с отчаянием мечтала увидеть пейзаж без построек под бескрайним куполом неба.

Не только собаки приводили меня в полный восторг. В нижней части сада у дома, где мы жили, имелось старое бомбоубежище. Мама и папа думали, что я заиклилась именно на нем, потому что нередко находили меня стоящей на вершине насыпи над входом в это укрытие. Они никак не могли понять, зачем я туда забираюсь, пока отец сам не поднялся на насыпь и не посмотрел в том же направлении, что и я. Тогда он понял, что оттуда я могла видеть загон с пони.

Я могла часами просто стоять и смотреть на лошадь, меня сильно интересовало, что же она там делает, я почти погружалась в транс, наблюдая за животным, чувствуя себя при этом невероятно спокойно. И самое удивительное, я понимала, о чем мечтает пони, – это оказаться на пастбище со свежей травой.

Мама и папа вспоминали, что я при любой возможности уходила в нижнюю часть сада. Они поражались, что пятилетний ребенок способен спокойно стоять и смотреть вдаль так долго. В тот момент родители начали осознавать, что у меня есть особый интерес к животным.

Видя мое отчаянное желание иметь домашнего питомца, мама и папа купили мне двух золотых рыбок, которых я назвала Топси и Терви. Я была просто вне себя от счастья, и любила их так сильно, как только можно любить двух маленьких аквариумных рыбок. Я крайне серьезно отнеслась к своим обязанностям, чистила аквариум, меняла воду, проверяла, достаточно ли у рыбок еды.

Благодаря этим двум несчастным существам я усвоила один важный урок. Однажды утром, когда я собиралась покормить их, я вдруг обнаружила, что Топси убила Терви. Это была классическая проблема содержания и проживания двух рыбок в маленькой емкости, но тогда я пребывала в полном отчаянии. И переживала не только из-за утраты Терви, но еще и от того, что Топси оказалась способной на такой ужасный поступок. Так я узнала о горе, которое неизбежно приходит к владельцам домашних животных, когда те умирают. А еще я осознала, что необходимо научиться понимать законы мира животных. То, что сделала Топси, естественно и было вызвано ее нежеланием делить свою территорию с другой рыбкой. Мне было всего семь лет, тогда я не могла четко сформулировать свои мысли, но уже начала понимать, что животные не всегда ведут себя так, как нам хочется, порой они действуют согласно своим собственным мотивам поведения.

Наш следующий семейный питомец был пиренейской горной собакой – прекрасным созданием, которое мы называли Ангелом. Мама и папа очень благоразумно изучили описания различных пород, чтобы найти ту, которая подойдет для общения с детьми. Выбор был идеальным: это невероятно нежные и добрые, уверенные в себе и редко ведущие себя агрессивно по отношению к своей семье существа, при этом из них получаются отличные сторожевые собаки. Порода изначально была выведена для охраны овец в горах, а так как их окрас очень похож на овечью шкуру, то такие собаки могли спрятаться в стаде и при необходимости застать волков врасплох.

Мы отправились к заводчику выбирать щенка, и я хорошо помню свои ощущения – как от самого захватывающего приключения на свете. Там был целый помет щенков, и я выбрала того, кто сам доверчиво подошел ко мне. Я ничего не знала о собаках и их дрессировке, но мне показалось хорошим предзнаменованием то, что пес был так заинтересован мною.

Я очень отчетливо помню появление в доме этого белого пушистого комка и как я была готова посвятить собаке все свое время, даже вставала пораньше, чтобы провести с ней лиш- ний час перед школой. Я бесконечно расчесывала ее. У меня были книги о щенках, которые

я усердно читала. Теперь я знаю, что многие советы, приведенные в тех книгах, были неверными: там говорилось, что следует ткнуть щенка носом в учиненное им безобразие, якобы это элемент правильной дрессировки собаки, который в то время считался общепринятой практикой. Откуда это взялось? Какое другое животное вы смогли бы натренировать подобным образом?

Папа водил собаку на занятия и, хотя мне было всего девять лет, уже тогда я сильно сомневалась в способе ее дрессировки, так как главный акцент в нем делался на доминировании над животным.

В те времена это была стандартная практика – дрессировка собак в стиле Барбары Вудхаус, когда дрессировщики добивались полного послушания и установления между хозяином и питомцем отношений по принципу «главный-подчиненный». Я не могла объяснить, но просто чувствовала, что это неправильная тактика.

К сожалению, уже в год у Ангела начались парциальные припадки, и это была достаточно серьезная проблема. Собаке поставили диагноз – подозрение на опухоль головного мозга. Было бы жестоко оставить ее в живых, продлевая страдания. Сегодня ветеринария способна сделать для животного намного больше, чем тогда, но в тот момент у нас не было выбора. Мы все были очень расстроены, и я помню, как плакала во сне, когда ее пришлось усыпить. Уверена, что именно из-за этого мама и папа в течение нескольких лет отказывались от идеи завести другую собаку.

С самого начала своей жизни я продемонстрировала желание изучать связь между собаками и людьми. Я всегда считала, что животных легче понять, чем человека. В детстве мне не хватало уверенности в отношениях с окружающими – люди были для меня загадкой, и я никак не могла определить, кто из них дружелюбен ко мне, а кто нет, поэтому побаивалась их. А вот с животными подобных проблем не возникало, поскольку я всегда могла понять, что они думают и чувствуют.

Уже учась в университете, я случайно обнаружила, что страдаю заболеванием, известным как «слепота на лица» (его правильное медицинское название – прозопагнозия), которое отчасти объясняет, почему животных мне было легче «читать», чем людей. Хотя моя болезнь выражена не слишком сильно, то есть я могу узнавать человеческие лица, но, как и большинство страдающих тем же недугом, я невольно разработала несколько стратегий, чтобы справиться со своей проблемой. Человек со «слепотой на лица» способен узнавать других людей по одежде, походке, цвету волос, форме их тела, голосам. Я бессознательно использовала все эти приемы, и в целом всегда очень хорошо справлялась. Дети с прозопагнозией часто бывают очень застенчивыми, как и я. Помню, что очень рано начала запоминать обувь других людей. Естественно, люди меняют свою обувь, но в школе это происходит реже, и я, вероятно, использовала этот признак как подсказку для определения того, кто стоит передо мной.

Прочитав немного обо всем этом, я с интересом узнала, что Джейн Гудолл, известный приматолог, работавшая с шимпанзе в Африке, тоже страдает этим заболеванием, и у нее также никогда не возникало трудностей с пониманием животных. Моя проблема обнаружилась, когда я изъявила желание принять участие в исследовании распознавания лиц и с треском провалилась, оказавшись неспособной это делать.

Оглядываясь назад, я понимаю, что многие из моих неприятностей научили меня сопереживать всем животным и особенно собакам. Раффлз предоставил мне первый настоящий шанс подтвердить мою уверенность в том, что это просто издевательство над собакой – ста-

новиться для нее «главным псом», хотя в то время подобные представления были весьма распространенными. Я же считала это в корне неверным способом воспитания собаки.

Раффлз легко и непринужденно подтвердил мою правоту. Я была поражена тем, насколько быстро он усвоил все, чему я его учила. Он был потрясающей охотничье-поисковой собакой, очень быстро научился ходить рядом и останавливаться по первому слову. Помню, я подумала тогда: «Ну, неужели это может быть настолько просто?» Более того, совсем уж странным могло показаться, что я, студентка, у которой был маленький спаниель, спросила своего наставника, могу ли я приводить своего питомца в университет. Но тогда я даже об этом особо не задумывалась.

На кафедре весьма спокойно относились к собакам, потому что в тот период постоянно разрабатывались революционные исследования, в ходе которых собак приводили в гериатрические больницы и дома престарелых, чтобы установить, оказывает ли физиологическое и психологическое воздействие на частоту сердечных сокращений и уровень кровяного давления у пожилых людей возможность гладить собак. Сегодня это звучит как непреложная истина, однако в 1980-х годах это были новаторские исследования. Эти работы и были одной из причин, по которым я поступила именно в университет в Суонси.

Роджер Магфорд, специалист по изучению поведения животных, был одним из тех, кто стоял у истоков исследований в области их дрессировки. Сейчас он является моим хорошим и надежным другом, а в 1970-е годы он вместе со своим коллегой занимался исследованиями «волнистых попугайчиков и бегоний», в ходе которых одиноким пожилым людям давали либо попугайчиков, либо бегонии, а представители контрольной группы не получали ничего.

Наблюдения за испытуемыми показали, что у пожилых людей, которым раздали попугайчиков, самооценка была гораздо выше.

Они были веселее, принимали больше посетителей и использовали своего питомца в качестве повода начать разговор, что приносило им больше социальных контактов, чем тем, кто получал бегонии или не получал ничего. Эти находки легли в основу исследований, проводившихся в Суонси.

Роджер Магфорд пришел в университет, чтобы прочитать лекцию в моей группе. Я настолько вдохновилась его словами и рассуждениями, что осталась после лекции, чтобы поговорить с ним, и он пригласил меня в свой центр в городе Суррей. Он только начал использовать поводок-рулетку, который вытягивался из рукоятки, предоставляя собаке больше свободы, а затем возвращался на место, втягиваясь. В то время это была новинка в нашей стране, и он просто восторгался этой «фантастической инновацией». Магфорд приказал мне взять собаку на такой поводок, но я не смогла справиться с рукояткой, и бедное животное быстро обмотало поводок вокруг дерева. Роджер рассмеялся и сказал:

– Ты чудесная и милая девушка, Клэр, и я уверен, что у тебя все будет хорошо, но не в качестве тренера-кинолога. Я думаю, что тебе стоит подумать о другой карьере.

Тогда его слова ужаснули меня, но я была полна решимости доказать ему, что он неправ. Спустя время я напомнила Роджеру о его довольно обидном в тот момент высказывании, но он отмахнулся, что не помнит, чтобы говорил нечто подобное. А по прошествии многих лет после вышеупомянутого события Магфорд даже написал посвящение на титульном листе одной из своих книг: «Клэр, лучшему дрессировщику собак, которого я знаю». Сейчас мы смеемся, вспоминая об этом казусе.

Прежде чем у меня появился Раффлз, я подружилась с еще одним животным. В начале второго курса в Суонси мы, студенты-психологи, получили по крысе для экспериментов с

камерой Скиннера – ящиком, внутри которого крыса обучалась, реагируя на определенные раздражители, такие как звук или свет, и получая потом награду, выполнять довольно сложную последовательность действий. Таким образом, мы знакомимся с теорией обучаемости.

Крысы, которых нам раздали, были выращены в университетском виварии. При желании мы могли забирать подопытных домой или оставлять их в клетках виварии. Я назвала свою крысу Тэсс – по имени героини романа «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» Томаса Харди, книги, которую я очень люблю. Я нередко забирала свою крысу домой, что весьма не нравилось девушкам, делившим со мной комнату в общежитии в то время. В спальне у меня специально для нее стояла клетка. Тэсс была очень дружелюбным животным, однако, естественно, с крысой не получится построить такие же отношения, как с собакой.

Была у меня и пара хомячков, которые не имели ничего общего с моей работой в университете. Они путешествовали у меня в карманах, а дома я тренировала их. (Недавно моя жизнь завершила полный оборот – я целый месяц общалась с молодым хомячком, которого моя сестра Николь подарила своей девятилетней дочери Джози на Рождество. Я убедилась, что он привык к рукам и не кусается, поскольку все время держала его в кармане, как в старые добрые времена в университете.) Именно благодаря одному из моих хомячков, Ашер, я встретила еще одного человека, который оказал огромное влияние на мою жизнь и помог встать на путь, ведущий к моей будущей работе.

Когда Ашер заболела, я была очень расстроена, ведь я научила ее делать всякие разные вещи, и к тому же очень любила ее. В то время я была типичной студенткой, вечно сидела без гроша в кармане и не могла позволить себе платное посещение ветеринара. Но я не могла видеть страдания маленького животного, поэтому все же пошла к хирургу-ветеринару, кабинет которого находился неподалеку от того места, где я жила. Он открылся совсем недавно. Этот ветеринар оказался настоящим «человеком-оркестром».

– Не буду вам врать, у меня нет денег, – сказала я, – но если вы вылечите моего хомяка, то я сделаю все, что потребуется. Буду мыть полы и ассистировать. Пожалуйста, помогите мне.

Джулиан Хадсон был отличным парнем, и он сделал все, что от него зависело, чтобы спасти Ашер. К сожалению, я по незнанию содержала ее в дешевой китайской клетке, она содрала краску с решетки и пострадала от отравления металлом. В результате он ничем не смог ей помочь, и ему пришлось усыпить ее.

Я начала работать в его ветклинике. Сначала просто мыла полы, подсчитывала, сколько собачьей еды осталось, а также вела картотеку. Но со временем Джулиан стал больше доверять мне, и я начала присутствовать на операциях, следить, как дышит животное, пока действует наркоз. Джулиан всегда рассказывал мне, что именно он делает. Кроме того, я ухаживала за животными в послеоперационный период.

Иногда работа была удручающей и печальной: я видела собак, пострадавших от чумки просто потому, что они не были привиты.

Постепенно я пришла к пониманию необходимости гуманного прекращения страданий животного, – того, чего мы не можем сделать для людей.

Врачу приходится порой принимать это тяжелейшее решение, и по сей день подобные ситуации приводят меня в ужас, но зачастую это единственный правильный выход.

Джулиан понял, что я могу помочь ему, просто посидев с людьми, особенно пожилыми, у которых умерли их питомцы. У него не хватало на это времени. Часто они рассказывали мне истории своей жизни, о том, что их муж или жена умерли, о важности отношений с их любимцами. В то время, когда я работала в хирургии, мне доводилось даже посещать пожилых людей на дому – для того, чтобы убедиться, что с ними все в порядке. Иногда

после потери питомца, они заводили еще одно животное, иногда нет – только потому, что не чувствовали в себе силы пережить еще одну смерть.

Я стала лучше понимать, насколько сильна связь между владельцами и домашними животными, особенно собаками. Я неоднократно наблюдала, как здоровенные мужчины рыдают из-за болезни своей собаки. Я все это видела и теперь, оглядываясь назад, понимаю, что это подталкивало меня к моей будущей работе. Да, пока я не могла подобрать правильную формулировку, но была уверена, что мы недостаточно используем всю мощь этой удивительной взаимосвязи – собаки могут дать нам намного больше, так же, как и мы им.

Жена Джулиана была ветеринарным фельдшером. Как только появлялась такая возможность, она работала в хирургии, и в течение некоторого времени я серьезно задумывалась о том, чтобы стать медсестрой в ветклинике. Джулиан же считал, что это будет пустая трата времени, поскольку после окончания университета я должна буду получить аналогичную степень по ветеринарии.

Я всерьез размышляла о профессии медсестры, так как в тот момент уже начала беспокоиться о том, чем буду заниматься после завершения учебы.

Я никогда не переставала думать о собаках, хотя тогда у меня еще не было Раффлза. Я знала, что с помощью издевательств и жестокости никто не смог ничему научить свою крысу, например, поднимая высоко над землей, а затем бросая на пол, или наступая на хвост. Это никогда не срабатывало. Однако я отлично знала и то, что подобные приемы люди всегда использовали при работе с собаками. Я не могла понять, зачем мы пытаемся доминировать и запугивать это животное, умное, способное легко обучаться и запрограммированное на то, чтобы доставлять нам радость? Опыт показал, что вознаграждение – наилучший способ научить чему-то крысу. Кроме того, опираясь на свои наблюдения за лошадьми в детстве, я также сделала вывод, что, действуя жестокими методами и издеваясь над животным, добиться ничего не удастся. Нужно научиться их понимать и работать, опираясь на характер каждого из них.

В то время в СМИ часто говорили о том, что в основе обучения собаки лежит тотальный контроль и доминирование. Мол, собаки – это «мини-волки», или «волки в гостинной».

Мы уже давно признали, что нет необходимости бить и терроризировать детей, но считали само собой разумеющимся такое поведение по отношению к собакам.

Столетия одомашнивания создали животное, генетически предрасположенное к тому, чтобы жить с людьми. Собаки хотят с нами общаться и хотят делать то, что нужно нам. И вот все это почему-то отбрасывается, и нам снова проповедуют этот бред о том, что наши домашние животные – дикие волки.

Так что у меня была еще одна причина взять Раффлза. Да, он был недисциплинированным, невоспитанным, и его первоначальные владельцы считали его проблемным. Мне очень хотелось суметь обучить его без угроз и насилия.

Джулиан осмотрел моего пса, сделал все необходимые уколы и исследования, не требуя денег, потому что я бесплатно работала в его хирургическом кабинете. Раффлз ходил со мной в университет. По утрам мы вместе с ним делали длительную пробежку, и по вечерам он тоже повсюду путешествовал вместе со мной: и в пабы, и на студенческие вечеринки.

Однажды вечером я была на одной из таких вечеринок. И обнаружила, что Раффлз куда-то пропал, я тут же пошла поискать его. Оказалось, что он возлежал на матрасе вместе

с группой молодых людей, которые курили сигареты с весьма характерным ароматом. Бог знает, чем он там надыхался, но плохо ему явно от этого не стало.

Казалось, у него было врожденное ощущение того, что правильно, а что нет. Я брала его с собой на долгие прогулки вдоль побережья. В это время пляж Суонси просто заполнили эксгибиционисты. Все были отлично осведомлены об этом – власти университета предупреждали молодых студенток, советуя им не ходить на пляж в одиночку. Меня это не беспокоило, я без проблем игнорировала этих ненормальных, но Раффлз преследовал их, каким-то образом понимая, что их поведение было неправильным.

Одна из моих подруг, также студент-психолог, заинтересовалась ими и решила изучить их поведение. Она хотела поговорить с ними, чтобы попытаться понять их мотивацию. Мы с ней решили пойти вместе на пляж. Когда мы увидели эксгибициониста, подруга побежала за ним, пытаясь поговорить, а Раффлз присоединился к ней, негодуя на поведение этого человека. Полагаю, что сочетание преследующего его пса и безумно гонящейся за ним женщины, которая хотела проанализировать его поступки, заставили его какое-то время не появляться в районе пляжа.

Поскольку университет располагался практически на морском побережье, мы часто устраивали пляжные вечеринки, которые Раффлз очень любил. Студенты на пляже с удовольствием подбрасывали мяч вверх, чтобы он мог ловить его и приносить обратно, и Раффлзу никогда не надоедала эта игра. Отключался он только на ночь, а в остальное время это был настоящий сгусток энергии.

Его способность и готовность искать предметы, находить их и приносить обратно хозяину, побудила меня внимательно изучить его родословную и почитать о том, на что способны спрингер-спаниели. Я начала выводить его на небольшие соревнования, где демонстрировалось послушание собаки, и он всегда одерживал победу.

Когда я посещала лекции, нам приходилось разлучаться, ему не разрешали входить вместе со мной в аудиторию. Тем не менее у меня была пара отличных способов решения данной проблемы.

С раннего возраста я любила верховую езду. Я была очень застенчивым ребенком, настолько стеснительным, что молчала, даже когда стучали в дверь или звонили по телефону, потому что не могла заставить себя поговорить с тем, кого я не знаю. Я слишком близко к сердцу принимала критические замечания учителей или других учеников. У меня не было друзей, так как меня определенно больше интересовали животные, чем люди. Верховая езда стала для меня прекрасной отдушиной, которая спасала меня на протяжении всего детства.

В Суонси мне повезло познакомиться с человеком, нуждавшимся в уроках верховой езды. В конюшне, где обитала его лошадь, нашлось уютное местечко для Раффлза, и конюхи были рады позволить ему оставаться там на пару часов, когда я посещала лекции.

Другим вариантом был мой бойфренд Дэйв, который сопровождал меня в Суонси и жил в меблированной комнате, работая садовником. Это означало, что иногда он мог взять Раффлза с собой на работу. Я познакомилась с Дэйвом в Девоне, где провела целый год перед тем, как отправиться в Суонси.

Когда я училась в школе, на любой вопрос о своем будущем я всегда отвечала, что хочу работать с животными. Однако мне довольно категорично заявили, что подобную работу я могу получить только в питомнике: уход за животными, уборка вольеров или работа ветеринара. К тому же требования к аттестату о среднем образовании в ветеринарной академии были очень высокими, даже выше того минимума, который необходим для поступления в медицинское училище. Я реалистично оценивала свои возможности и понимала, что вряд

ли попаду в ветеринарную академию, так что мне пришлось крепко задуматься о том, что еще я могу делать, чтобы проводить жизнь с животными. По-видимому, для меня оставался открытым только один вариант – сельское хозяйство.

В конце концов, я решила получить степень магистра в сельскохозяйственном колледже Сил-Хейн в Девоне. Я была рада возможности уехать из Эйлсбери и начать самостоятельную жизнь, к тому же мне нравился Девон. Если бы моя младшая сестра Симона не была в то время еще мала, я бы с легким сердцем упаковала чемоданы и отправилась в путь. Однако я не могла покинуть ее в тот момент, потому что это заставило бы ее сильно страдать. Когда она родилась, мне было одиннадцать лет, и сказать, что я обожала ее, было бы настоящим преуменьшением.

Две другие мои сестры, Луиза и Николь, были достаточно близки мне по возрасту, так что воспринимались, скорее, как конкуренты или просто неприятные надоеды. Но в Симону я влюбилась сразу же, как впервые ее увидела. Я была счастлива собирать для нее все необходимые мелочи: чистые пеленки, распашонки, костюмчики. Я помогала купать ее, гуляла с ней, обнимала ее. Я чувствовала (и поверьте, это не прозвучит неуважительно, и Симона наверняка поймет все правильно), что в моей жизни появилась еще одна беспомощная животиночка, так что я была готова на все, чтобы только сделать ее счастливой. Ей было восемь лет, когда я уехала в Девон.

Недавно я нашла душераздирающее письмо, которое она написала мне еще детским почерком через несколько месяцев после того, как я уехала. В нем Симона рассказывала мне, что плакала целых две недели после моего отъезда, повсюду таскала с собой оставленные мной четыре или пять книг о лошадях как память обо мне.

Думаю, если бы кто-нибудь сказал мне тогда, что сестренка плакала перед тем, как уснуть, сжимая одну из моих книг, я бы сразу примчалась домой.

Прежде чем уехать, мне нужно было найти рабочее место на ферме недалеко от колледжа. В Сил-Хейн (этого сельскохозяйственного колледжа уже нет) существовало обязательное условие для всех студентов – прежде чем поступить на очное отделение, они должны проработать год на ферме. Идея заключалась в том, чтобы познакомить нас с работой, которую мы выбрали, в течение всех четырех времен года. Это позволяло создать полную картину будущей жизни. Разумный способ убедиться в правильности выбранной профессии. До этого момента мой единственный опыт работы в сельском хозяйстве заключался в сборе картофеля и фруктов во время школьных каникул.

Найти место, особенно девушке, было трудно, но мне предложили отличную работу на одной ферме, где занимались как выращиванием сельскохозяйственных культур, так и животноводством. Я с удовольствием вернулась в сельскую местность и вскоре начала встречаться с Дэйвом, сыном фермера, замечательным, порядочным человеком.

Первые месяцы работы на ферме оказались довольно трудным для меня периодом, то и дело я слышала восклицания:

– О Боже! Это девушка! И что нам с тобой делать? Ты хоть трактор умеешь водить? А тюк прессованного сена поднимешь?

Однако я была сильной и ловкой, так что научилась поднимать тюки сена, предназначенные для лошадей. Я никогда не водила трактор, но была готова научиться чему угодно. В Эксетере я прошла курс уроков вождения, и как только сдала экзамен, фермер доверил мне водить всю сельскохозяйственную технику, включая трактора.

Парней с фермы это не обескуражило. Они начали расставлять на меня ловушки: я падала в ямы, скатывалась по склону и, в конце концов, однажды свалилась в навозную жижу. Трактор застрял, и мне пришлось выбираться, по колено утопая в навозе. Каждый раз, когда что-то случалось, ребята говорили:

– Пришлите нам парня!

Но я думаю, что мне удалось одержать над ними верх.

Во время моей первой поездки домой мама глазам своим не поверила, настолько сильно я загорела и нарастила мускулы – я не могла надевать женские топы, поскольку выглядела как Веселый Зеленый Великан.

Мне понравилась моя работа, сбор фруктов, яиц. В соседнем хозяйстве имелось три гунтера, на которых там катались зимой, и мне с радостью позволили ездить на них летом.

Я научилась пахать и могла помочь со сбором урожая. Когда мы занимались работами в поле, мы ехали группой из четырех тракторов, следующих друг за другом. Первый сеял, второй раскатывал посев, третий бороновал, а четвертый очищал почву от сорняков. Для этого требовалась большая точность и согласованность работы, но после нас поле было полностью подготовлено и засеяно.

У меня была единственная проблема, которая не исчезла и по сей день: я не умею рано вставать, и каждый раз, чтобы встать к дойке в 5:30 утра, мне приходилось бороться с собой и своим желанием поспать еще хоть чуть-чуть. Необходимо было подоить где-то сорок или пятьдесят коров. Отец Дэйва знал их всех по именам, и когда он приказывал мне взять корову, мне приходилось сверять ее кличку с номером на ушных бирках.

Я жила в очень уютной комнате в доме, имела полный пансион и немного карманных денег. Иногда мне приходилось приезжать в колледж на две-три недели, чтобы заполнить трудовую книжку, описать, чем я занимаюсь на ферме и поработать над учебным проектом.

Во многом это было очень счастливое время. Но, работая на ферме, я поняла две вещи. Во-первых, то, что о животных тщательно заботятся лишь потому, что они представляют собой деньги, доход фермы. Уход за ними не является следствием уважения и любви к ним, это чисто финансовый интерес. Если у теленка случался сильный понос, то говорили просто:

– Это не стоит того, чтобы обращаться к ветеринару.

Вторым моментом было то, что, хотя мне нравилось помогать коровам, я сильно огорчалась, когда телят отнимали у матери через двадцать четыре часа после рождения.

В одной части фермы матери громко мычали и пытались выбить доски копытами, а в другом здании плакали телята. Все это я могла слышать из окна своей спальни, и это было ужасно.

Фермер объяснил мне, если я оставлю теленка с матерью, то не будет молока для людей.

Я понимала это, но удивлялась, почему нельзя оставить телят с матерью хоть немного подольше, чтобы они могли в полной мере воспользоваться преимуществами молозива, которое защищает их от болезней. Кроме того, в то время, пока я работала на ферме, я видела, как молоко выливается в канализацию, чтобы избежать нарушения квот Европейского союза. Я смотрела на это, а в этот момент телята умирали в сарае по соседству, и понимала, что, хотя все делается по правилам, я никогда не смогу примириться с подобной практикой.

Это были не те отношения, которые я хотела установить с животными, и мне пришлось столкнуться с дилеммой. Если я не собираюсь получать диплом специалиста по сельскому хозяйству, то что я намерена делать? Следует ли мне улучшить оценку по физике и поступить в ветеринарный колледж, или сделать что-то иное? И к тому моменту, когда я приехала в

колледж Сил-Хейн, чтобы сообщить, что не намерена продолжать там учебу, у меня уже сформировалась определенная идея.

Когда на ферме выпадал выходной, я отправлялась в букинистический магазин в Эксестере, потому что еще в школе полюбила чтение. У меня был очень сильный, но неопределенный пока интерес к животным. Я хотела работать с ними, жить с ними, изучать их, но была уверена, что мне не понравится быть фермером или женой фермера. В глубине души, в самом дальнем ее уголке, я знала, что и профессия ветеринара – это не совсем то, что мне нужно. И что же мне в таком случае делать?

И вот однажды на полке букинистического магазина, среди затхлых, замусоленных, потрепанных фолиантов я впервые взяла в руки книгу Конрада Лоренца. До этого момента я никогда не слышала фамилии этого знаменитого зоолога и этолога. Я даже не знала о такой профессии, как этолог – человек, который изучает животных в их естественной среде обитания, а не в лабораториях. Вот оно! Когда я читала его ранние произведения, у меня от волнения перехватывало дыхание. Информации, которую я почерпнула в его книге, мне было явно недостаточно, и я начала покупать все, что могла найти (или до чего сумела добраться) о поведении животных. У меня возникало ощущение, что я наконец-то вижу желанный берег, ведь я знала с самого раннего детства, что для того, чтобы добиться максимума от животных, нужно научиться понимать их, а не навязывать им свою волю, нужно поощрять то их поведение, которое нам необходимо. Теперь я читала труды известных ученых, которые всю свою жизнь изучали поведение животных, и видела, что их выводы совпадают с моими. Меня невероятно взволновала возможность самой поучаствовать в этой работе, и я начала искать пути к достижению этой цели.

В то время в университетах Великобритании существовали два основных направления исследований поведения животных – можно было получить степень по биологии или степень в области психологии. В обоих курсах уделяется внимание поведению животных, но от степени по биологии я отказалась сразу, ведь для того, чтобы получить диплом по этой специальности, мне придется неоднократно заниматься препарированием животных. Я человек не брезгливый, но это было не то, что меня интересовало.

Я хотела заглянуть в сознание животных, а не внутрь их тела.

С другой стороны, изучение человеческой психологии показалось мне значительно более интересным, особенно курсы бакалавриата. На некоторых курсах по психологии можно получить степень бакалавра, но они, как правило, посвящены социальной психологии, в то время как я определенно больше интересовалась научно-обоснованными исследованиями, в которые входит достаточное число компонентов, связанных с обучением и дрессировкой животных.

Я сократила список возможных учебных заведений до двух: Ноттингемского университета и университета Суонси. Посетив оба, я сразу поняла, что хочу пойти в Суонси. Этот университет расположен на берегу моря в необычайно красивой местности, и к тому же не являлся закрытой территорией в центре большого города.

Проблема заключалась в том, что к тому моменту, когда я окончательно поняла, что намерена делать в жизни, я пропустила время, когда можно было подать документы. Я была совершенно подавлена этим известием, поскольку не хотела терять еще один год в придачу к тому, который я уже провела в Девоне.

И тогда мне на помощь пришла моя мама. Она поговорила со своим другом, директором средней школы для мальчиков в Эйлсбери, который сказал, чтобы я написала заявление

на имя начальника департамента психологии в Суонси, и позвонил ему от моего имени. Я была поражена.

– Так значит, мне не нужно проходить через Центральный совет по вопросам поступления в университет?

– Они могут принимать решения самостоятельно, – сказал он.

Это сработало, и меня пригласили на собеседование. Я очень нервничала, но только теперь отчетливо понимаю, что была готова к ответам лучше, чем многие из тех восемнадцатилетних ребят, которые только что окончили школу, когда начальник отдела спросил меня, почему я хочу изучать психологию и почему выбрала именно Суонси. Я была очень заинтересована в поступлении и, думаю, что это стало очевидно и комиссии.

Вот так я и поступила в Суонси, и так я познакомилась с Раффлзом.

Когда я впервые получила Раффлза, то думала, что буду использовать его в продолжающемся исследовании влияния собак на частоту сердечных сокращений и кровяное давление людей, а также, наоборот, в изучении того, как поглаживание и ласковые слова влияют на изменение сердечного ритма и кровяного давления у собак. Раффлз действительно оказал большую помощь исследователям: когда пожилые люди суетились вокруг моего питомца с постоянно виляющим хвостом, мониторы, прикрепленные к ним, показывали, что артериальное давление и частота пульса у них значительно снижались. Но на третьем и последнем курсе обучения, вместо того, чтобы включиться в это исследование, как я изначально намеревалась, я решила заняться изучением агрессивности у животных – предметом, который сильно волновал меня в тот момент.

Меня заинтересовал вопрос, влияет ли добавление сои в собачью еду на поведение животных, делая их более агрессивными или, наоборот, менее. Мыши, как и собаки, являются социальными животными, они защищают свою территорию во многом тем же способом, что и собаки, так что они стали очевидным выбором для этого исследования. В сое содержатся фитоэстрогены – растительные гормоны. Мне казалось, что, поскольку эстрогены являются женскими гормонами, добавление сои должно сделать собак менее агрессивными. Однако мой научный преподаватель сказал, что небольшие количества эстрогена расщепляются в мужских телах до тестостерона, так что на самом деле соя может сделать животных агрессивнее.

Я внимательно изучала своих мышей, фиксируя при помощи видеосъемки их поведение при контакте с новой подопытной. В конце исследования я показала, что мыши, употреблявшие корм с соевыми добавками, были более агрессивными, чем те, которые питались другими кормами. Конечно, мое исследование не привело к каким-либо практическим результатам. Мне кажется, недавно, почти тридцать лет спустя, был объявлен исследовательский проект, в котором изучался тот же самый вопрос. В большинстве кормов по-прежнему используются соевые добавки.

Когда работа над проектом была завершена, я с ужасом узнала, что мыши, которых я изучала, будут отравлены газом в виварии, поскольку их нельзя было больше использовать для других исследований.

Я не могла перенести мысли о том, что в какой-то момент придется отправить их в газовую камеру, так что я забрала мышей к себе домой – все пятьдесят.

Это были такие милые, маленькие белые мышки, с розовыми носиками и розовыми лапками. Я преследовала всех, кого знала со словами:

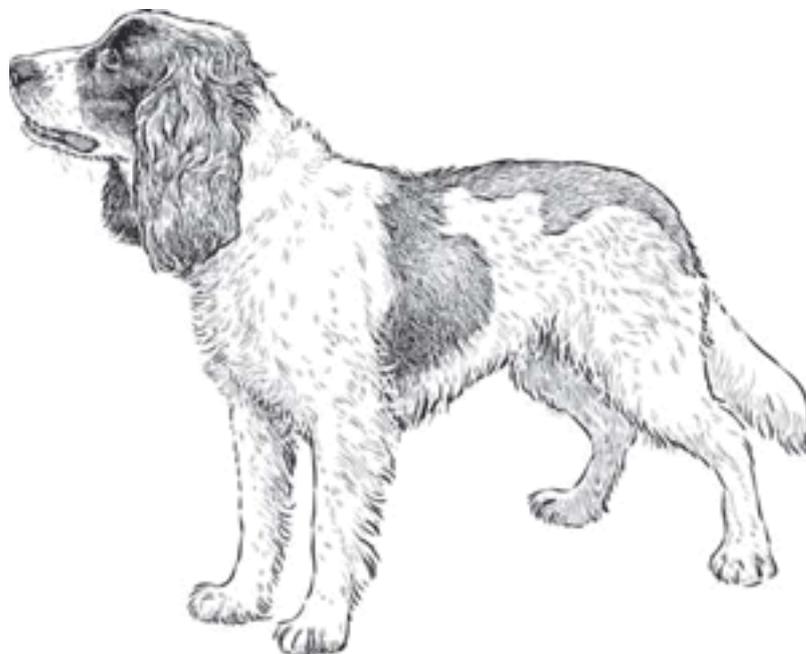
– Ты не хочешь взять себе мышку? Она очень милая и будет вести себя очень хорошо...

Мне удалось найти новые дома для большинства из них, остальные же так и поселились у меня, упрочив и без того популярное мнение, что я псих, помешанный на животных.

После окончания учебы мы с Раффлзом вернулись домой к моей семье, в Эйлсбери, но я активно искала возможность изменить свою жизнь.

Глава 2

Наконец-то я работаю с собаками

Семья тепло приняла мое возвращение. Симона была очень рада, что я снова была дома, и Раффлз привел ее в полный восторг. Во время каникул он уже бывал у нас дома, а сейчас приехал, чтобы остаться насовсем. Семейный лабрадор Лайза и Раффлз прекрасно ладили. Хотя жизнь в Эйлсбери показалась мне чересчур урбанистической, я была счастлива снова вернуться в лоно своей семьи. Мы всегда были очень близки, нас объединяло похожее чувство юмора, общие забавы и желание постоянно заботиться друг о друге. Но это не означало, что я позволила бы себе сидеть у родителей на шее.

– Ты не можешь просто прохладиться здесь без дела в течение нескольких месяцев, – сказал папа, так что я начала искать работу.

Я нашла место в отделе консервации древесины научно-исследовательского строительного института, который в те времена был государственной организацией, проводящей исследования, консультации и тестирование для строительной индустрии (этот институт существует до сих пор, но сейчас он является благотворительным фондом). При НИСИ была создана лаборатория в Принсес-Рисборо, недалеко от того места, где я жила. Там проводили исследования способов повышения прочности и растяжимости различных древесных пород.

Это была интересная работа. Мы рассматривали образцы древесины в лаборатории с помощью различных химических веществ, а затем приносили их обратно в местные леса в условия с различной влажностью и температурой. Затем через определенные промежутки времени мы возвращались туда, где оставили образцы, чтобы проследить возникновение гнили и повреждений и оценить, какие действия против порчи древесины будут наиболее эффективными.

Мой босс оказался очень приятным человеком. Работать с ним было комфортно. Вообще, это занятие мне подходило. Мне всегда нравилась химия, а все исследования здесь были рассчитаны на понимание того, как именно химические добавки повышают прочность древесины и останавливают гниль. Я узнала, как обрабатывают древесину под давлением. Больше всего мне нравилось то, что я могу выйти из лаборатории на окраину города, взяв с собой Раффлза.

Мой друг Дэйв переехал вместе со мной в Букингемшир, и вскоре после моего возвращения домой мы стали жить вместе. Он снова работал ландшафтным архитектором, и в некотором смысле я была счастлива. Дэйв – хороший человек, добрый и внимательный. Мы купили маленький двухкомнатный домик в красивой деревне Стипл Клэйдон. Я выполняла работу, которая мне нравилась, к тому же имела гибкий график, так что у меня всегда была возможность позаниматься с Раффлзом. Я помню, как папа превозносил достоинства моей работы, которая, по сути, была государственной службой, поэтому обеспечивала мне уверенность в завтрашнем дне, индексированную пенсию и хорошую перспективу карьерного роста.

Я снова жила в деревне, и хотя она была не столь же красива, как любимый мной в подростковом возрасте Дорсет, Чилтерн мне тоже нравился. Приятным бонусом было и то, что я жила неподалеку от моей семьи. Мама и папа всегда с удовольствием забирали Раффлза, если мне приходилось оставаться в лаборатории на весь день.

Я водила маленький «Фиат 126» – мои друзья называли его «роликовые коньки». В хорошую погоду я могла открыть люк на крыше, зная, что Раффлзу никогда не придет в голову выпрыгнуть наружу.

Чувствовала ли я, что мне этого всего достаточно в жизни? Было ли правильным отказаться от работы, которая мне нравилась, вернуться в Суонси, чтобы снова стать студенткой и заниматься, чтобы получить степень магистра в области поведения животных? Я обдумывала этот вариант и пока колебалась. Я говорила себе: «Возможно, надо довольствоваться тем, что имею, мне повезло иметь работу, которая мне нравится, партнера, который меня поддерживает, и собаку, которую я очень люблю».

Все так, но однажды во время обеденного перерыва я взяла Раффлза на прогулку в Чилтерн-Хиллс возле Бледлоу-Ридж. Это был пасмурный серый день, но пейзаж все равно впечатлял. Я отвлеклась на окружающую природу, стояла, любуясь, пока Раффлз обнюхивал подлесок, облака расступились и солнечные лучи залили все вокруг. Неожиданно на меня нахлынули невероятно сильные эмоции. Я была совершенно уверена, да что там, просто знала, что моя жизнь должна измениться. Обучение Раффлза и уход за ним были очень приятным занятием, но мне определенно чего-то не хватало.

Я должна была работать с животными, этому я желала посвятить свою жизнь. Я поняла, что не смогу променять свои надежды и мечты на пенсию и комфорт.

У меня возникло ощущение, что грядущие перемены неизбежны. Я шла к своей цели, не сворачивая, и изменить это движение было не в моих силах.

Сначала я предположила, что мне необходимо обязательно вернуться в университет. Но спустя три дня поняла, что посетившее меня предчувствие означало нечто иное: я увидела объявление в местной газете о приглашении на работу в качестве помощника тренера-кинолога в новом благотворительном обществе «Слышащие собаки для глухих». Это заведение только начинало свою деятельность. Оно было основано всего два года назад, и перед ним стояла цель повторить ту успешную работу, что до этого была проделана в США. Людям с нарушениями слуха только недавно начали предлагать брать в дом собак, обученных предупреждать своих хозяев о телефонных звонках, звонках в дверь, звуках пожарной сигнализации и других обычных шумах в доме или в городе.

На этой работе я смогла бы получать лишь половину тех денег, которые я зарабатывала в институте, она не предполагала пенсии, гибкого графика, стабильности, и соискателю предлагалась только одна пара выходных в четыре недели. Остальные три мне пришлось бы трудиться в питомниках, где собаки жили. Подобная смена работы не имела смысла с очень многих точек зрения, но для меня это было естественным решением. Мы беспокои-

лись только о том, удастся ли выплатить ипотеку с моим уменьшенным заработком, и Дэйв, как всегда, поддержал меня, сказав:

– Ну, ты же всегда говорила о чем-то подобном.

Это предложение показалось мне очень привлекательным. Я буду работать с собаками, а также смогу использовать свой опыт дрессировки крыс и мышей – я учила крыс реагировать на звуковые раздражители и знала, что, если смогла сделать это с крысой, то, конечно, смогу и с собакой. Более того, эта работа позволяла мне помогать людям, а я всегда считала, что мы недооцениваем сильную взаимосвязь между собакой и человеком.

Руководил благотворительной организацией Тони Блант, бывший дрессировщик полицейских собак. Он был потрясающим боссом и с радостью взял меня на работу помощником тренера. На тот момент нас было всего четверо. Когда мы впервые встретились, Тони сказал мне:

– Мне нравится уровень ваших знаний. Мы можем сделать действительно хорошее дело.

Поступление на работу в организацию «Слышащие собаки для глухих» стало для меня важной вехой в жизни, одним из самых замечательных ее преобразований. Я была фанатично предана нашему делу. Каждая минута приносила мне огромную радость. Раффлз ходил на работу вместе со мной, и я очень быстро обучила его всему необходимому так, чтобы он стал наглядным примером для посетителей.

Для недавно созданной организации важно постоянно проводить сбор средств, так что по вечерам и в выходные дни я отправлялась на переговоры в женские общества, скаутские группы – в любое место, где меня были готовы выслушать. Несмотря на то, что по сути своей я была довольно застенчивым человеком, мне всегда удавалось преодолеть это свое качество, если меня интересовала тема, о которой я говорю, поскольку я сосредоточивалась не на аудитории, а на том, что мне нужно сказать. Хотя мне очень трудно бывает пойти на вечеринку в одиночестве или познакомиться с кем-нибудь в пабе, стоять, обращаясь к большой аудитории с рассказом о собаках, мне удавалось достаточно легко. Раффлз также ходил со мной и демонстрировал слушателям, как он реагирует на целый ряд звуков – он всегда оказывался звездой программы.

Мне нравилось отводить собак в дома, где они будут жить, наблюдать за тем, как они там обживаются, сразу же изменяя к лучшему жизни своих новых владельцев. Мне никогда не скучно было следить за развитием этих отношений.

До сих пор я не нахожу слов от восторга, когда вижу собаку, помогающую своему хозяину, будь то собака-поводырь, пес, помогающий глухому или человеку с ограниченными возможностями.

И уж действительно нечто особенное – это обученные нами собаки, спасающие жизни людей с диабетом и другими опасными заболеваниями. Однако это все будет в будущем.

В организации «Слышащие собаки для глухих» я смогла применить свои теории дрессировки на практике, и поскольку Тони стал все больше заниматься административной деятельностью и стремительно растущим счетом благотворительного фонда, он был счастлив позволить мне делать это.

У нас было шестнадцать недель, чтобы обучить собаку распознавать шесть звуков. Поначалу это было очень трудной задачей, так как животные поступали к нам из центров спасения собак. Позже благотворительность позволила нам самим разводить щенков. Тренировать их было намного легче, поскольку мы занимались с ними с первого момента их

приобщения к человеческому обществу. Я разработала собственные методики оценки поведения животных в центрах спасения собак на основе оценок, которые используются и в человеческой психологии. Хотя у человеческой личности есть тысячи особенностей, делающих ее неповторимой, тем не менее, ее можно свести до небольшого числа базовых признаков. То же самое относится и к собакам.

Есть определенные проблемы с использованием слов «нервный» и «психопат», как для собак, так и для людей, потому что мы склонны употреблять эти понятия в качестве уничижительных и связывать их с психическими заболеваниями. На самом деле эти слова описывают довольно широкий спектр состояний, и душевные болезни находятся только на крайних его точках.

Большинство характеров можно отнести к одной из двух групп, соответствующих двум моделям поведения: психотическое/невротическое и интровертивное/экстравертивное. Существует целая группа «нормальных невротиков» и «нормальных психотиков». Из невротиков получаются воины, воспитатели, они хорошо взаимодействуют с окружающими, быстро перенимая их опыт. Психотики более смелые, любят рисковать, не нуждаются в работе в составе группы. Они более «толстокожие» и не настолько хорошо усваивают пережитый опыт. С точки зрения дрессировки собак, проще работать с животными, имеющими невротические черты, и, как правило, относящимися к определенным породам. Например, бойцовые собаки чаще всего имеют психотические черты, в то время как спаниели и лабрадоры – породы, которые наиболее часто используются для обучения, обычно относятся к невротическому типу характера.

Что же касается деления на интровертов и экстравертов, то интроверты не склонны активно заводить социальные связи, стараются не вступать в различные группы и становятся одиночками. Экстраверты легко завоевывают доверие окружающих, они с любопытством относятся к людям и готовы заботиться о них. Им нравится быть частью группы.

Лучшее сочетание для дрессировки – собаки с не слишком сильно выраженным невротическим характером и экстравертивным нравом, именно таких животных я ищу для работы.

Когда я знаколюсь с собакой, я способна быстро оценить ее. Первое, что я замечаю, это то, как пес взаимодействует со мной. Я ищу собаку, которой я интересна, но не до такой степени, чтобы ко мне «прилипнуть». Я хочу, чтобы она посмотрела мне в глаза. Существует старая теория о том, что, если собака смотрит вам в глаза, она пытается доминировать над вами, но это не так. Она смотрит, чтобы понять, чего вы от нее хотите. Собаки читают наши эмоции, они все время стараются не выпускать нас из вида. Подходящая для тренировки собака – та, которая интересуется мной, а потом уходит, чтобы осмотреть комнату, потому что ей любопытно и многие другие вещи. Затем она возвращается ко мне, чтобы проверить, что я делаю.

Если это щенки или собаки мелких пород, я беру их на руки и стараюсь почувствовать напряжение тела. Они скованны? Их нейромедиаторы действуют достаточно быстро? Прежде всего, если вы поднимете щенка, взяв его у матери, его сердцебиение резко ускорится. И меня интересует скорость восстановления этого показателя – как быстро он затем расслабляется. Его частота сердечных сокращений падает или он долго остается в состоянии повышенной тревожности? Для обучения нам нужны спокойные собаки, не трусливые, характер которых соответствует достаточно высокому значению на шкале невротичности. Если собака слишком большая для того, чтобы взять ее на руки, я прижимаю ее к себе, что опять-таки позволяет оценить ее напряженность.

Работа в организации «Слышащие собаки для глухих» для меня была настолько радостной и естественной, что я с удовольствием отказалась от своих планов вернуться в Суонси для получения степени магистра. Позже я все же получила магистерскую степень в Уорикском университете, будучи студентом-заочником и проведя долговременное исследование психологического эффекта, оказываемого нашими собаками на своих хозяев. Неудивительно, что я пришла к выводу, что владельцы собак стали более счастливыми, общительными и энергичными, менее тревожными и подавленными. Эти перемены в их жизни не сгладились и через восемнадцать месяцев после того, как собака вошла в их жизнь – мое исследование в тот период заняло именно столько времени (полностью мое исследование длилось почти семь лет, его результаты были опубликованы только в 2006 году).

Присоединившись к организации «Слышащие собаки для глухих», я не только нашла работу по душе, но и встретила близкого друга, оказавшего огромное влияние на мою жизнь. Джилл Лейси была советником по вопросам размещения «слышащих собак» среди членов общества людей с потерей слуха. Она работала с нами с самого первого дня и разделяла мою преданность нашим четвероногим коллегам. Мы часто проводили обеденное время вместе, болтая за бутербродами. Очень скоро после того, как мы познакомились, Джилл рассказала мне свою историю, вызвавшую глубокий отклик в моей душе. Эта история стала одним из краеугольных камней, легших в основание той важной работы, которой мы заняты по сей день. Мы неоднократно возвращались к ней в наших разговорах.

Когда ей было около двадцати лет, она жила со своей семьей и очень любила их домашнего питомца – далматина по кличке Труды. В какой-то момент собака начала активно вылизывать очень маленькую родинку на ноге Джилл. Она делала это настолько рьяно, что даже раздражала свою хозяйку.

– Уйди, оставь меня в покое, – говорила Джилл, отталкивая Труды, но та возвращалась раз за разом.

Бывало даже, что собака спала в своей корзине, а Джилл пыталась прокрасться мимо незаметно, но питомица всегда просыпалась, нюхала воздух и отправлялась за своей хозяйкой, чтобы полизать ее ногу.

В конце концов Джилл пошла к врачу, специализировавшемуся на удалении родинок, и тот отправил ее сделать анализы. Доктор предположил, что вряд ли это нечто опасное, потому что у подростков и молодых людей рак кожи встречается очень редко (менее чем в 1 проценте случаев). Невероятно, но после визита к врачу, собака сразу же перестала вести себя столь странно. Однако десять дней спустя Джилл позвонили. Выяснилось, что согласно результатам анализов, у нее оказалась злокачественная меланома. К счастью, ее полностью удалили, и жизнь Джилл была в безопасности.

Без преувеличения, именно Труды спасла свою хозяйку: если бы собака так упорно не вылизывала ногу Джилл, то меланома со временем поразила бы все тело.

Это был невероятный случай, и мы обе считали, что собака способна унюхать болезнь. Труды поняла, чем данная родинка отличается от многих других именно по запаху, поэтому пыталась предотвратить трагедию. Мы бесконечно много говорили о том, как можно использовать эту суперспособность распознавать разные запахи, но в тот момент могли лишь рассуждать об этом. Что было бы, если бы в семье Джилл не было собаки?.. Мы говорили обо всех тех случаях, когда диагноз опасного заболевания был поставлен слишком поздно и о том, могла ли собака помочь в тот момент? Нам обоим казалось, что мы пропускаем нечто

важное, говоря о том, как собаки могут спасать жизни людей. Работая в организации «Слышащие собаки для глухих», мы знали, что люди в течение столетий выводили породы собак, готовых стать нашими лучшими друзьями и дать нам взамен нашей любви и заботы очень и очень многое.

За многое я благодарна Джилл. Однажды у меня очень сильно болел зуб – резался один из зубов мудрости. И это уже не в первый раз. Когда я училась в университете, мне дважды приходилось пропускать занятия из-за операции по их удалению. Признаюсь, меня пугало все, связанное с иглами и операциями. Однако в тот раз мне помогла Джилл. Ее бойфренд Майк был стоматологом, и она подсказала мне, что один из его коллег специализируется на нервных пациентах, и мне могут удалить зуб мудрости в кресле у стоматолога, а не под наркозом в больнице.

Я пыталась подготовить себя, читая книги по психологии о десенсибилизации, но когда наступил решающий момент, все прочитанное выветрилось у меня из головы. Мне пришлось прибегнуть к сильным транквилизаторам, и в итоге зуб мудрости был удален. Впоследствии Майк сказал мне, что он никогда не видел никого, кто бы нервничал так сильно, как я, и что они чуть было не решили отказаться от этой работы. Я не помню этого, но он сказал мне, что я оттолкнула его и вытащила его инструменты у себя изо рта.

– Вам действительно нужна помощь, – сказал он.

Я решила отказаться от терапии, но этот случай с Майком помог мне в дальнейшем в моей деятельности. Тогда у стоматолога я сняла напряжение, используя те же приемы, которые впоследствии стала применять при работе с собаками. За несколько дней до похода к зубному врачу я начала практиковать расслабление. У меня уже был положительный опыт, и, основываясь на нем, я готовилась к визиту к доктору. Во время каждого следующего похода к стоматологу я использовала все меньше и меньше валиума, пока совсем не отказалась от него при обычных проверочных визитах.

В один из первых дней работы в организации «Слышащие собаки для глухих» я приобрела Менестреля. Я хотела усложнить себе задачу и взять для подготовки породу, которая имела репутацию трудной для дрессировки. А гладкошерстные ретриверы как раз известны этим. Я купила Менестреля – щенка с шерстью шоколадного цвета – у GP, где любили гладкошерстных собак и разводили рабочих животных.

Придя посмотреть на помет, я никак не могла выбрать между щенками: позже у меня уже появился определенный опыт. С Диллом, Вуди и Дейзи я заранее знала, каким должен быть нужный мне щенок. Когда я оформляла документы на покупку Менестреля, он ухитрился засунуть хвост в дверную щель, из-за чего на нем остался небольшой дефект, но пес почти не скулил. Его неуклюжесть и жизнерадостность укрепила связь между нами. Дрессировка Менестреля действительно оказалась более сложной, чем работа с Раффлзом, и вообще он был довольно своенравной собакой, так что его воспитание выработало во мне значительную стойкость и упорство. Менестрель пришел в мою жизнь девятинедельным щенком и попал в довольно трудный для меня период. Дело в том, что вскоре после его появления произошел несчастный случай с Раффлзом с далеко идущими последствиями.

Однажды в обеденный перерыв я отправилась на прогулку вместе с Раффлзом. В стоящем неподалеку автомобиле был привязан пес – колли. Он сумел поднять крышку багажника, и когда мы проходили мимо, вскочил и, взъерошив шерсть на загривке, с рычанием бросился на нас. Колли яростно накинулся на Раффлза и буквально в клочья разодрал его мордочку.

За все годы работы с собаками я никогда не видела такой яростной атаки. Я наблюдала, как колли отрывал куски мяса и швырял их на землю.

Его хозяйка кричала, пинала и била свою собаку. Но к тому времени, как она оторвала пса от Раффлза, у того была разорвана половина морды, клочьями свисая с костей.

Я бросилась с ним к ветеринару, и он сразу же направил собаку в операционную. Раффлзу сумели восстановить морду, хотя на всю жизнь у него остался большой шрам, поверх которого выросла седая шерсть. Была опасность, что он потеряет один глаз, но, к счастью, ветеринары сумели спасти его.

Я была растеряна и очень переживала, ведь Раффлз был моим верным спутником достаточно долгое время. Его накачали антибиотиками и чуть позже при осмотре нашли абсцесс на шее, вызванный грязью, попавшей в рану во время драки. Так что моему бедняге пришлось снова отправиться в операционную. Представить сложно, но владелица колли возложила всю вину на меня, ведь именно я шла мимо ее автомобиля с кобелем, зная, что ее собака агрессивна...

Сегодня мои друзья и семья считают, что у меня неприязнь ко всем колли. Я понимаю, что нельзя обвинять всю породу из-за одной собаки, но я стараюсь избегать представителей этой породы, когда выхожу гулять со своими собаками. Есть только один, совсем небольшой, аспект, за который я благодарна псу, напавшему на Раффлза. Он заставил меня взглянуть на вопрос ослабления контроля импульсивности у собак, приводящий к агрессии. Это лежит в основе почти всех серьезных проблем с собаками.

Контроль за импульсивностью надо учить с самого начала жизни щенка. Собственная мать может привить ему этот навык. Если сука оценилась в хороших условиях при стабильной температуре и обильном питании, она уже через несколько недель начнет показывать щенкам правильное поведение, когда они пытаются сосать ее, а она не хочет, или если они почему-то раздражают ее.

Сегодня мы довольно рано забираем щенков от их матерей, и это хорошо для общения с людьми, но при этом матери не успевают научить их контролировать свою агрессивность. Возникает риск того, что и владельцы не научат их этому, ведь щенки очень милые и маленькие, их трудно осаживать.

Жизненно важно, чтобы собаки научились понимать слово «нет» в самом раннем возрасте. Остановить действия, которые им позволяли осуществлять, когда они были щенками, но ставшие неприемлемыми, когда они подросли, намного труднее, чем подавить их еще в зародыше. Если владелец не научит этому свою собаку, то она никогда не научится думать: *«Мне бы хотелось сделать это, но нельзя»*.

Легко показать щенку, что никакое царапание руки или лай не заставит человека отдать ему то, что тот держит в руке. Лакомство будет выдано только тогда, когда он сидит тихо и спокойно. Тогда щенок поймет, что вознаграждается поведение, которое соответствует контролю импульсивности. Владелец должен начать эту подготовку как можно раньше, обучая собаку основным принципам управления своим поведением, чтобы потом, когда пес будет сталкиваться с гораздо большими искушениями, чем лакомство в руке, он мог правильно реагировать на слово «нельзя».

Однажды – это случилось в то время, когда Раффлз еще восстанавливался после травмы, и вскоре после того, как я купила Менестреля – мое утреннее пробуждение оказалось совсем необычным. У нас с Раффлзом существовал свой маленький ритуал. Рано утром он запрыгивал ко мне на кровать и будил меня. Однако в то утро он не пришел.

Меня это очень удивило. А спустившись вниз, я обнаружила, что пса тошнит, и он лежит в луже кровавой рвоты.

Я понимала, что это что-то очень серьезное, а не просто расстройство желудка, поэтому бросилась с ним к ветеринару, который нашел у него парвовирус. Собачий парвовирус – это вирусная инфекция, впервые обнаруженная в Великобритании в конце семидесятых годов. Несколько позже, в восьмидесятых, стала широко доступна вакцинация против этой смертоносной инфекции. Обоим – Раффлзу и Менестрелю, который тогда был еще крошечным щенком, была сделана прививка. Но большие дозы антибиотиков, которые кололи Раффлзу в тот период, когда он восстанавливался после нападения, вероятно, помешали ее действию. В итоге несчастный пес очень серьезно заболел.

На третий день болезни моего любимца, когда я была на работе, мне позвонили из ветеринарной клиники. Мне сообщили поистине ужасную новость – состояние Раффлза настолько ухудшилось, что врачи не видят возможности его спасти. Они подождут, пока я не приеду попрощаться с ним, и затем усыпят его.

Джилл, мой большой друг и коллега, обожала Раффлза, и очень расстроилась из-за этой новости.

– Они сделали все возможное? – спрашивала она. – Стоит позвонить Брюсу Фоглу.

Брюс – известный ветеринар, автор многих книг о собаках, а также доверительный управляющий и соучредитель общества «Слышащие собаки для глухих». Я не хотела звонить ему, но подозревала, что вряд ли есть еще хоть одна ветеринарная клиника, где Раффлза будут лечить столь же хорошо, мне пришлось целиком и полностью положиться на его медицинский опыт. К тому же Джилл настаивала:

– Не сдавайся, борись за Раффлза. Позвони же, давай.

Так я и сделала. Я сказала Брюсу, что у Раффлза, несомненно, положительный результат анализа на парвовирус, но когда он спросил меня, какое лечение применяли, я не смогла дать четкий ответ относительно препаратов. Я позвонила ветеринару и запросила информацию. Они с большой неохотой сообщили мне подробности, в завершении я еще узнала, что в лечении Раффлза не были использованы все препараты, которые упоминал Брюс.

Когда я снова позвонила Брюсу, он сказал:

– Вы должны привезти его ко мне. Я не обещаю, что смогу спасти его, но с ним не сделали все, что было возможно. У меня есть очень хороший друг в Эйлсбери, он ветеринар, который все для него сделает. Если Колин Прайс не сможет спасти пса, значит, это вообще невозможно.

Я позвонила в ветклинику, где лечили Раффлза, и мне сказали, что я не могу забрать его домой:

– Он слишком болен, чтобы двигаться самостоятельно, вы ведете себя безответственно. Если я заберу его, он умрет, и они обязаны гуманно усыпить его.

Я снова переговорила с Брюсом, и он велел мне пойти и забрать свою собаку. Это оказалось нелегким делом. Моя бедная мама сидела в машине с работающим двигателем, как водитель в фильме про гангстеров. Я вошла в здание клиники и попросила принести Раффлза.

– Вы не можете забрать его, – сказал администратор.

– Я могу, он принадлежит мне.

Пару минут мы продолжали эти препирательства, а потом я просто ворвалась в комнату, на двери которой имелась табличка с силуэтом собаки.

Раффлз увидел меня и, слава богу, приподнялся и завилял хвостом, а затем упал без сознания. Я открыла клетку и вытащила его вместе с капельницей – Брюс велел мне не снимать ее.

Я завернула пса в одеяло, прекрасно понимая, насколько заразен парвовирус, и мама поехала к новому ветеринару так быстро, как только смогла. Я боялась, что Раффлз уже умер,

так как держала его, но не слышала, как бьется его сердце. Когда мы приехали, Колин Прайс был уже наготове, он нащупал пульс Раффлза и дал указания своей команде относительно необходимых жидкостей, адреналина и других препаратов. Взяв у меня собаку, он посмотрел на меня и сказал:

– Я сделаю все возможное. Он в довольно запущенном состоянии, но мы дадим ему шанс вернуться.

Колин Прайс приказал мне сжечь одеяло и свою одежду, а также продезинфицировать машину. Я почти не спала, всю ночь плакала и винила себя за то, что по неосторожности стала причиной страданий своего пса. Когда на следующее утро зазвонил телефон, я приготовилась к самому худшему.

– Мы влили ему около двух литров жидкости, Раффлз все еще с нами, он сильный пес, – сказал Колин, а потом пояснил, что главная задача – сохранить высокий уровень жидкости и ждать, пока организм справится с вирусом.

Раффлз пробыл в больнице две недели, и когда он вышел, с парвовирусом еще не все было ясно. Я не смогла сразу принести его домой, потому что работала с собаками и существовала опасность перекрестного заражения, но моя замечательная подруга согласилась ухаживать за ним, пока не настанет тот великий день, когда ему будет разрешено вернуться ко мне.

Колин Прайс стал моим героем. Сейчас он на пенсии, но его практика работает в соответствии с той высокой планкой, которую он установил. Мы до сих пор лечим там наших собак, и они очень быстро находят нужных специалистов, если не могут сами справиться с возникшей проблемой.

Здоровье Раффлза восстановилось, и он до конца своих дней продолжал работать, демонстрируя навыки, которые обретают псы в организации «Слышащие собаки для глухих людей». Остался лишь один побочный эффект: его пищеварительная система была нарушена, и с того времени он мог есть только рыбу и рис с добавлением поливитаминов. Каждый раз, когда мы пытались привнести что-то новое в его рацион, у него открывался ужасный понос. Так что куда бы я ни шла, мне повсюду приходилось таскать с собой коробочки с пахучей рыбой и рисом, и я уверена, что, встречаясь со мной, люди могли чувствовать запах его пищи. Я больше готовила для Раффлза, чем для своей семьи.

Как только у Раффлза выявили парвовирус, маленький Менестрель был сразу же проверен на наличие этой инфекции, и Колин продолжал время от времени контролировать его состояние. Однако следов заражения не было. Меня предупредили, что если у него вдруг начнется рвота или понос, мне придется немедленно привезти его в ветклинику, потому что это первые признаки заболевания. Так что когда в возрасте шестнадцати недель он вдруг начал повсюду «ходить по-большому», я немедленно засунула его в машину и понеслась к ветеринару.

– Он не очень хорошо себя чувствует, правда вчера он проглотил носовой платок – сказала я Колину. Ветеринар обреченно посмотрел на меня. По крайней мере, то, что крошечный щенок проглотил большой платок – это лучше, чем заражение парвовирусом.

Этот случай стал предвестником грядущих событий: вскоре я обнаружила, что Менестрель любит глотать все, на чем есть мой запах. Особенно ему нравились носки и трусики. Опасная и раздражающая привычка, хотя, конечно, быть строгой с таким любвеобильным клоуном, как Менестрель, было трудно.

Однажды я серьезно заболела гриппом и чувствовала себя совершенной развалиной. В какой-то момент я поняла, что Менестрель откинул крышку с корзины с грязным бельем

и вволю похозяйничал в ней. Ему было скучно, а я слишком сильно болела, чтобы вывести его на прогулку. Мне пришлось позвонить ветеринару:

– Я болею гриппом. И знаете, я уверена, что мой гладкошерстный съел какую-то одежду.

– Что именно?

– Я думаю, несколько пар носков и одни трусы...

– Черт возьми, тащите его сюда. Это слишком много.

Ему вкололи рвотное, и мы все смотрели, как, к моему стыду, из него вышли трое моих трусов, в том числе и мои любимые. Все просто рыдали от смеха.

Они знали, что я занимаюсь дрессировкой собак, и к тому времени я добилась определенного авторитета в своей профессии, изучая их поведение. И вот моя собака проглотила значительную часть моего нижнего белья!

Пес занимался этим безобразием всю свою жизнь, но я больше не делала из этого трагедию: если он проглатывал всего один носок или одни трусики, я не тащила его к ветеринару, а просто ждала, пока природа не возьмет свое.

Менестрель был, как я и ожидала, очень сложной собакой с точки зрения дрессировки. Мне пришлось бесконечно повторять ему каждую команду, и я даже начала опасаться, что он никогда ничему не научится. Он бросал на меня странный вопрошающий взгляд, как бы говоря: *«И что, я должен это делать?»* Затем он снова отворачивался, и мне приходилось умолять его слушать меня.

Один раз он чуть не утонул, когда должен был принимать участие в соревновании охотничьих собак. Раффлз был вне конкуренции, и все им восхищались, и Менестрель либо решил выступить ничуть ни хуже, либо задумал выставить меня полной идиоткой. Не знаю. И конечно, именно в этот день женщина, которая интересовалась гладкошерстными собаками, попросилась прийти и понаблюдать, как он работает на соревновании. Менестрель должен был взглянуть на меня, чтобы понять, что ему следует сделать, но он обожал воду, и потому плюхнулся в озеро, не имея представления, где находится манекен, который ему требовалось найти. Его так возбуждала возможность поплескаться в воде, что он хаотично плавал, не реагируя на мои свистки и команды. В итоге до его покрытого мокрой шерстью мозга дошло, что я устала свистеть, и он повернулся, чтобы посмотреть на меня с выражением на морде: *«Тебе разве что-то от меня нужно?»*

Он был очень дружелюбной собакой и ничего не боялся. Я думаю, он остался бы невозмутимым, даже если рядом с ним взорвалась бы бомба. Большинство собак инстинктивно боятся всего неизвестного, но Менестрель, наоборот, сразу же направлялся к новому предмету. Его привлекали люди, которые выглядели необычно: когда мы гуляли, он упорно шел к тем, от кого здравый смысл советовал мне отойти подальше.

Менестрель любил прыгивать на прохожих, а поскольку он был достаточно большой собакой, нескольких человек его радушие чуть было не довело до инфаркта.

В конце концов, мне удалось добиться хороших результатов в его обучении, но это была очень тяжелая работа. Когда мне звонят и просят помочь с дрессировкой плохо себя ведущих домашних животных, я стараюсь не критиковать хозяев, потому что знаю, насколько сложно бывает с собаками. Я просто призываю их проявить настойчивость и затратить необходимое количество времени на их обучение.

Раффлз и Менестрель отлично ладили. Они стали неразлучными друзьями. Раффлз был мозгом этой компании – я видела, как он смотрит на меня, пытаюсь оценить мою реакцию на очередную проказу своего четвероногого друга. «Ах, Менестрель снова в беде», – словно было написано у него на мордочке.

В их характерах не было ничего неприятного или чреватого вредными последствиями, но Менестрель не упускал ни одной возможности устроить настоящий разгром, натываясь на вещи и давя все вокруг себя. Его энтузиазм и жизненная энергия никогда не иссякали.

Спустя некоторое время, когда мы уже жили в маленькой деревне, за одну ночь взломали несколько домов. Наш дом стоял самым последним в конце деревни, и мы были разбужены Раффлзом, который, толкая меня носом, явно пытался что-то мне сообщить. Было видно, что он очень расстроен. Он начал лаять и бегать около окна спальни, время от времени вспрыгивая на кровать, так что я окончательно проснулась и пошла посмотреть, что происходит.

Внизу, на дороге, я смогла увидеть две фигуры, которые пытались влезть в мою машину. Я закричала на них, а затем бросилась вниз по лестнице и открыла дверь, чтобы Раффлз и Менестрель могли выбежать наружу.

– Хватай их, Раффлз! – закричала я. Он выскочил и схватил за штанину одного из воров. Тот попытался его стряхнуть, но мой пес знал свое дело. В этот момент Менестрель, большой, неуклюжий ретривер, лихо набросился на врага, сбивая его с ног. Он был просто в восторге, убежденный, что это какая-то новая игра. Он был очень рад познакомиться с парой неожиданно появившихся среди ночи новых незнакомых людей и со всем энтузиазмом решил поприветствовать их. При этом он сбил подножкой одного из этих мужчин, когда они пытались сбежать, и продолжал напрыгивать на них. Они явно были в ужасе, не подозревая, что он просто старался обеспечить им веселое времяпрепровождение и считал все происходящее невероятно увлекательным развлечением. Им стоило больше бояться Раффлза, маленького спаниеля, но размер Менестреля и его неуклюжесть пугали их намного сильнее.

Полицию вызвали еще до того, как жители других домов в деревне успели добежать до нашего дома, и вскоре я услышала звук приближающихся автомобилей. Поскольку все происходило темной ночью, воры успели сбежать, но собаки преследовали их по пятам, и в попытке спрятаться им пришлось нырнуть в кювет. Я позвала Раффлза и Менестреля обратно, боясь, что полицейские машины могут задавить их. Воры затаились и лежали, не двигаясь, явно опасаясь, что собаки их обнаружат. Я слышала, как один из них произнес:

– Псы еще не ушли!

В итоге полицейским не составило труда арестовать воров. Раффлз и Менестрель стали героями дня. Менестрель был так взволнован, что, подпрыгнув, чуть не выбил полицейскому глаз.

Раффлз и Менестрель дожили до четырнадцати с половиной лет. Раффлз умер на пять лет раньше Менестреля. Ко времени смерти он был уже глубоким стариком. Его сердце оставалось в полном порядке, но имелись проблемы с лапами, и он потерял контроль над мочевым пузырем и кишечником. К нам в дом приехал приятный молодой ветеринар и усыпил его у нас в гостиной.

Из-за проблем с желудком Раффлз никогда не жевал собачьи лакомства и всегда завидовал другим собакам, так что я дала ему большую жевательную игрушку, и он умер с ней во рту, совершенно довольный.

Мы похоронили его под вишневым деревом в саду. Я так горевала по нему, что по ночам просто выла от тоски, и мне очень хотелось выкопать его тело, чтобы обнять его еще раз. Это чувство было настолько сильным, я не могла думать ни о чем другом. Я не ожидала, что его смерть вызовет у меня такую бурю эмоций. Когда мы берем собак, мы знаем, что они, скорее всего, умрут раньше нас. Это естественно. Но как же это трудно пережить!

Раффлз был моей первой, совершенно особенной собакой, ему я обязана обретением работы, он стал смыслом моей жизни. Наша связь была настолько велика, что я страдала из-за его ухода так, как будто мне оторвали важную часть тела. Когда умер Менестрель, я кремировала его и похоронила прах рядом с могилой его близкого друга Раффлза.

Глава 3 Полный дом собак

Примерно через год после того, как я поступила на работу в организацию «Слышащие собаки для глухих людей», моя личная жизнь также претерпела изменения. К тому времени я была назначена тренером, и мы взяли другого помощника тренера собак – Энди. Его отношение к собакам и их обучению совпадало с моим, и вскоре нам обоим стало очевидно, что мы не просто коллеги. Я сразу сообщила об этом Дэйву. Расставание с ним было печальным, но неизбежным событием, однако я понимала, как важно быть честной в отношениях. Наши отношения были больше товарищескими, чем страстными, – мы походили на старую супружескую пару, а не на двух молодых людей, которым чуть больше двадцати лет. Разрыв был достаточно мирным, насколько это вообще возможно. Мы с Дэйвом остались друзьями, но я очень переживала из-за него, меня мучило беспокойство и чувство вины. Он принял ситуацию как неизбежность, и, нужно отдать ему должное, сказал мне:

– Ты не будешь счастлива, если останешься здесь, и я не могу удерживать тебя. Со мной все будет в порядке.

Мы с Энди каждый день работали бок о бок. Для того чтобы научить собаку слышать за человека, нужны усилия двоих: один держит животное, а другой включает звук. Мы почти каждые выходные проводили на дежурстве в собачьем питомнике организации «Слышащие собаки для глухих людей» и старались ускорять нашу работу. Быстрее заканчивали все дела, чтобы выкроить время для долгих прогулок с моими собаками. Мы обсуждали планы на совместное будущее и арендовали дом, чтобы жить в нем с Раффлзом и Менестрелем.

Мне было двадцать восемь лет, но меня преследовало неприятное ощущение ошибки из-за того, что пришлось сделать больно Дэйву. Чувство вины уравнивалось убеждением, что я встретила еще одну родственную душу, на этот раз человека, а не животное. Мои отношения с Энди были наполнены невероятным счастьем. Мы часами говорили о собаках и

их дрессировке, и оба соглашались с тем, что в Британии в настоящее время принята совершенно неправильная методика дрессировки собак, основанная на доминировании над ними. Мы были очень увлечены работой – собирались изменить мир и сделать его более счастливым местом для собак.

В 1991 году, проведя вместе три года, мы поженились. Мне тогда исполнился тридцать один год. Мы купили дом в деревне в Оксфордшире, но я вскоре увидела объявление о продаже коттеджа неподалеку от Тринга в графстве Хартфордшир. Чтобы добраться до него, нам пришлось долго ехать вдоль пешеходной дорожки на берегу канала. Но как только мы увидели дом, я влюбилась в него. Зашла на кухню, посмотрела на вид из окна и поняла, что мы просто обязаны его купить. Впервые с тех пор, как еще в подростковом возрасте я покинула Дорсет, я больше не чувствовала, что отчаянно хочу туда вернуться. Мы вместе будем жить в прекрасном коттедже – это так замечательно!

Купить его оказалось очень легко, нам снизили цену, потому что дом требовал значительного ремонта. Мы были вынуждены вызвать профессионалов, чтобы избавиться от короедов и сырости, зато остальное сделали сами, потратив все свое свободное время на покраску стен. Я самостоятельно заменила или отремонтировала все деревянные конструкции оконных рам, поскольку знала, как работать с деревом – я познакомилась с этим в школе (хотела заниматься столярными работами, но преподаватели настаивали, что это занятие для мальчиков).

У меня появился дом, о котором я так долго мечтала. Фасадом он выходил на канал, а из окон с задней стороны дома открывался вид на Чилтернс.

Мы держали кур, которых я просто для своего удовольствия учила приходить и самостоятельно запрыгивать в клетки. Еще мы выкормили двух коз, но они в конечном итоге переселились на детскую площадку для домашних животных, потому что следовали за нами по пятам и не любили оставаться в одиночестве. Хуже, чем собаки.

Был печальным (для меня), но неизбежным момент, когда моя любимая младшая сестра Симона окончила школу и переехала в Ноттингем, чтобы учиться на медсестру. Лишившись ее, я чувствовала себя просто ограбленной. Наверно, она ощущала себя так же в восьмилетнем возрасте, когда я поступила в университет. Но наша родственная связь была настолько сильна, что она приезжала к нам домой, как только появлялась малейшая возможность. Она работала медсестрой в течение года. Она, как и я (и это мне особенно в ней нравилось), была настоящей собачницей. Глядя на меня, она понимала, что с собаками можно заниматься практически весь рабочий день.

Позднее я очень обрадовалась, когда она начала работать в организации «Слышащие собаки для глухих» в качестве сотрудника по размещению животных. Я не являлась ее непосредственным начальником, так что в этом не было никакого кумовства, ведь в противном случае я постаралась бы держать ее при себе!

Вместо этого она поступила на работу в северное отделение, основанное в Гуле в Йоркшире. Однажды по дороге с работы, когда Симона ехала повидаться с друзьями в Ноттингеме, она познакомилась со своим будущим мужем, Джоном Брейнчем, и через пару лет осела в тех краях, что позволило ей курировать весь северный регион. Позднее, когда ее работа сосредоточилась в головном офисе организации «Слышащие собаки для глухих», Симона с мужем переехали в Букингемшир, недалеко от Принсес-Рисборо.

На втором свидании Джон сказал Симоне, что он не очень любит собак, и она чуть было не бросила работу. К счастью, его отношение к собакам изменилось. Не думаю, что можно надолго задержаться в нашей семье, если вы не любите собак!

Мне нравилась моя работа в организации, но мне было трудно закрывать глаза на царившие в то время принципы дрессировки. Мне совсем не нравилась практика, которая использовалась во многих школах. Я с огорчением наблюдала на улицах и в парках, как люди пытались грубо взять верх над своими собаками. Мой опыт в психологии, работа по обучению крыс и практика работы в «Слышащих собаках для глухих» убедили меня, что этот подход неверен, и с помощью стимулов и поощрений намного проще заставить собаку делать то, что вы хотите.

Я читала о дрессировке дельфинов, и, хотя меня всегда беспокоило, как эти животные чувствуют себя в неволе в неподходящих для них условиях, мне было ясно, что методы их дрессировки не базировались на принуждении. Тренеры не плавали рядом с дельфинами, чтобы бить или как-то пугать их – животные реагировали на свисток или сигнализатор, и правильная реакция вознаграждалась. Моя убежденность в необходимости изменить методику дрессировки собак, которую я вынашивала в течение многих лет, становилась все сильнее. Долгие годы, проведенные бок о бок с собаками, убедили меня, что мы злоупотребляем отношениями с самыми чуткими и заботливыми животными, какие только могут встретиться нам на жизненном пути. Люди, орущие на своих собак в парке, инстинктивно понимают, что невозможно обучить чему-то криком курицу или рыбу. Невозможно научить цыпленка правильному поведению в доме, если тыкать его клювом в собственные какашки, и даже с человеческим ребенком у вас вряд ли получится что-либо путное.

Если вы щелкнете собаку по носу или рванете ее за ошейник, собака выучит команду, просто потому что эти животные хорошо обучаемы. Но зачем же делать это подобным варварским способом? Чтобы добиться от животного наилучшего поведения, стоит попытаться посмотреть на мир его глазами, а затем добавить к этому теорию обучения.

В наших домашних собаках на протяжении веков культивировалось послушание человеку, их воспитывали таким образом, чтобы они сами хотели делать то, что нужно нам. Они постоянно стараются заглянуть нам в лицо, чтобы выяснить, чего мы хотим, понять, и нередко мы посылаем им путающие их сообщения, позволяющие им делать то, что они считают правильным, а затем наказываем их за то, что они поняли нас неверно. Да, диктуя собаке свою волю, вы можете заставить ее вести себя так, как вам нужно, но это полностью разрушает связь между вами и вашим питомцем. Ведь тесное общение, которое у вас может быть, – это самый большой бонус, предоставляемый щадящими методиками дрессировки.

Я поняла, что эта тема все сильнее увлекает меня. И по-прежнему у меня из головы не уходила история, рассказанная Джилл, а также многие другие подобные рассказы, о которых я время от времени читала в газетах. Это были истории о том, как собаки неожиданно предупреждали своих владельцев об опасности для здоровья.

Домашние питомцы чувствовали себя достаточно уверенно, что позволило им сообщить своим хозяевам некую информацию. Забитая и запуганная собака никогда не осмелится сделать что-то подобное.

Тренинг с сигнализатором, который я применяю, был впервые изобретен в конце 1940-х годов, но в Британии он не прижился до конца восьмидесятых и даже начала девяностых. В нем используется сигнализатор с резким звуком, сообщающий собаке (или любому другому животному), что она все сделала правильно. За звуком следует вознаграждение, поэтому звук сигнализатора – это «подкрепление поведения». Этот звук хорошо слышим, так что прием работает намного лучше, чем, если просто сказать «да» или «молодец». К

тому же можно точно указать момент, когда собака приняла правильное решение. И, что еще важнее, с его помощью я понимаю, что собака думает.

Есть научные доказательства того, что при использовании тренинга с сигнализатором собаки учатся на 50 процентов быстрее. Эту методику можно использовать и при работе с совсем маленькими щенками, к тому же она сводит на нет стресс в отношениях хозяина и тренера. Можно, конечно, использовать и другие методы, но было доказано, что применение сигнализатора работает лучше всего, так что именно с ним мы работаем сейчас при дрессировке собак, оказывающих медицинскую помощь и вынюхивающих рак.

Мой профессиональный и личный интерес к дрессировке собак привел к тому, что я подала заявку на членство в относительно новой организации – Ассоциации консультантов по поведению домашних животных (АРВС), созданной для того, чтобы отрегулировать деятельность инструкторов-кинологов и специалистов по поведению животных, а также, чтобы разоблачить тех, кто, не имея никакой квалификации, ведет себя, как опытный эксперт.

Цель Ассоциации в поддержании очень высоких профессиональных стандартов зоопсихологов и в популяризации этой профессии, чтобы любой человек, обращающийся к тренеру-кинологу, мог потребовать у него аккредитацию в АРВС. Ассоциация осуществляет поддержку квалифицированных тренеров, а также является площадкой, где мы можем обмениваться идеями и теориями, касающимися поведения животных.

Чтобы стать членом АРВС, мне необходимо было подготовить отчет о проделанной работе и предъявить доказательства того, что у меня имеется диплом по соответствующей теме. Необходимы были исследования, и, естественно, я не могла использовать своих собак. Пожалуй, самая распространенная проблема (до сих пор остающаяся актуальной), с которой мне приходилось иметь дело, – это боязнь разлуки у питомцев. Мы веками выводили собак, которые по сути своей являются стадными животными, генетически предрасположенными быть частью группы, жить с нами одной жизнью. Но вот мы уходим на работу и оставляем собаку одну в течение 8 или 9 часов, а потом удивляемся, почему она так расстроена и ее поведение настолько деструктивное.

Покупая собаку, человек должен внимательно изучить, для чего изначально была предназначена та или иная порода. Например, колли выводились для того, чтобы охранять стада овец, то есть это область, где в первую очередь приветствуется охотничий инстинкт. Цепочка начинается с выслеживания при помощи глаз, когда собака останавливается и смотрит вслед жертве, затем догоняет добычу, хватает ее, кусает и убивает. Очевидно, что финальная стадия этой поведенческой цепочки была подавлена, это означает, что колли прекрасно приспособлены загонять овец, используя навыки, соответствующие первым этапам цепи, но, как правило, не прикасаются к ним. Вполне естественно, что эта порода собак славится удивительной способностью высматривать то, что их интересует, обладает отличным зрением и слухом. Такой пес слышит пастуший свисток за три поля, несмотря на ветер, воющий на просторах Йоркшира. Колли нуждаются в постоянном движении, поэтому они порой оказываются неспособны целый день просидеть в лондонской квартире. В результате у них развивается желание на прогулке погоняться за машинами.

У других собак, таких, как гончие, которые были выведены для охоты на лис, подавлена первая часть цепочки – они не занимаются высматриванием и выискиванием добычи. В стае перед ними стоит совсем другая задача – догнать, укусить, убить добычу. И хозяева не должны удивляться, когда одинокий бигль, живущий в семье, срывается с места в поисках оленя или кролика и не возвращается, когда его зовут.

Агрессия – это еще одна важная причина, по которой меня вызывают на помощь к домашней собаке нередко тогда, когда ее готовы уже усыпить. В восьми из десяти случаев можно затормозить разрушительное поведение пса. Основная причина агрессии в том, что собака не понимает, что надо делать, и ее никогда не обучали контролю над своими

порывами. Владельцы не «читали» знаки, предупреждающие о том, что их собакам некомфортно и, скорее всего, животные становятся агрессивными в том случае, если им вовремя не помогли справиться с ситуацией.

К сожалению, я признаю, что есть небольшое количество собак, которые всегда будут проявлять агрессию – либо потому, что они относятся к породе, представители которой на протяжении многих лет генетически отбирались именно по этому признаку, или потому, что начало их жизни было весьма безрадостным.

Я очень обрадовалась, когда в 1991 году члены правления APBC единогласно проголосовали за то, чтобы я стала полноправным членом этой Ассоциации (несколько лет спустя, в 2009 году, я была очень польщена, узнав, что меня сделали почетным пожизненным ее членом).

Это было просто замечательно! Я наконец-то познакомилась со множеством людей, разделяющих мою философию и понимание нашей работы.

Я принимала участие в конференциях и семинарах Ассоциации и активно работала в ней.

Особенно мне нравилось то, что все члены APBC хотели дрессировать собак за поощрение, а не методом подавления.

Однако были и такие сферы, в которых я не соглашалась с некоторыми участниками. Например, с теми, кто убежден, что никогда нельзя отчитывать и ругать собаку, что животных можно учить, используя только положительные стимулы, то есть необходимости в понижении собаки слово «нельзя», по их мнению, нет. Я уже говорила о контроле за побуждениями и считаю, что бывают случаи, когда животные должны осознавать, что их поведение может привести к негативным последствиям. Конечно, необходимо категорически запретить использование таких ужасных предметов, как электрические ошейники и ошейники-удавки, нельзя пинать, бить и издеваться над собакой. Я считаю, когда она делает то, что вам категорически не нравится, вы должны уметь сказать «нельзя». Чаще всего бывает достаточно всего нескольких слов неодобрения: собаки блестяще «читают» наше отношение и обычно хотят угодить нам. Они получают награду, когда поступают правильно, чувствуют себя счастливыми, стараясь делать так же снова и снова.

Некоторые команды, которым мы обучаем собаку, она воспринимает нейтрально. Например, если я учу собаку сидеть, и когда она сделает это, то получает награду. Это легко. Но если я тренирую собаку, которая была выведена и работала как охотничья собака, и требую, чтобы она, выходя на прогулку, не гонялась за кроликами, – это совсем другое дело. Собака хочет гоняться за добычей, но она должна научиться различать, когда правильно вести себя таким образом, а когда нет. Многие тренеры считают, что это невозможно, и стараются сделать так, чтобы их собаки просто не попадали в подобные ситуации.

Есть и базовые элементы дрессировки. Прежде чем требовать от собаки правильного поведения в обстановке, когда ее что-то отвлекает или возбуждает, вы должны научить ее правильно действовать в ситуации, где никаких отвлекающих моментов нет. Большинство же людей требует от собаки поступать так, как надо, когда ее что-то отвлекает или возбуждает еще до закрепления правильного поведения в обстановке без этих дополнительных помех в обучении.

Некоторые владельцы не понимают, почему собака с сильной мотивацией в виде еды (она способна научиться сидеть и приносить теннисный мячик за вознаграждение в виде

собачьего бисквита) не бежит за бисквитом, когда до нее донесется запах кролика. Инстинкт погони за кроликом настолько силен, что бисквит теряет по сравнению с ним свою привлекательность, пес его почти не замечает. При этом собака настолько увлечена кроликом, что крики хозяина доносятся до ее сознания, как слабый шепот.

Стимулы, укрепляющие хорошее поведение, сильно разнятся в зависимости от ситуации. Если я дрессирую собаку, приучая ее не гоняться за кроликами, я начинаю обучение в местности, где кроликов нет. Затем я использую чучело кролика, сделанное из шкурки настоящего зверька, и каждый раз, отзывая собаку от истинного кролика, я бросаю ей чучело в качестве вознаграждения, чтобы перенаправить ее энергию и обеспечить ей столь же сильное чувство возбуждения. Важно найти отвлекающий фактор, выход для накопившейся энергии. Если кричать и наказывать собаку, это только огорчит ее и приведет к еще худшим проблемам.

Как и люди, разные собаки по-разному оценивают окружающие предметы, и вам необходимо научиться понимать свою собаку. Некоторые питомцы больше всего любят еду, другие обожают ласкаться. Одни хотят получить игрушки, а другие очень ревностно относятся к своей собственности – костям или жевательным лакомствам. Некоторые собаки становятся подавленными и расстраиваются, если бросить на них даже один неодобрительный взгляд, и даже его будет достаточно, чтобы заставить их вести себя правильно. Понимание их системы ценностей является ключевым моментом дрессировки. Я не рекомендую использовать столь серьезную награду для решения простых задач, таких, как, например, обучение команде «сидеть». Да, за это их тоже следует наградить, но оставьте самую значимую для них награду для решения наиболее трудных задач, таких, как, скажем, приучение не гоняться за кроликами.

Одним из наиболее трудных направлений в дрессировке собак для нас с Энди была подготовка подружейных собак. Животные с достаточно высоким уровнем интеллекта обучались выполнять очень сложные действия, связанные с поиском добычи и охотой, но в этой области наиболее часто использовались самые суровые приемы, связанные с насилием и подчинением. Мы же хотели доказать, что собаки могут не менее хорошо выполнять те же задачи, если использовать при обучении наш метод награды и сотрудничества, и были твердо намерены добиться своего.

Мне нравится смотреть, как охотничьи собаки работают на пике своих возможностей: их движения быстры, они приносятся к ветру, улавливая малейшее дуновение, несущее нужный запах, все их инстинкты обострены.

Бывают моменты, когда подружейная собака определяет ситуацию точнее, чем ее хозяин. Одна из задач, по которой оцениваются умения такого пса, – это охота на тряпчатого зайца, которого подбрасывают в воздух, и он падает, перелетая через два участка. Задача проводника заключается в том, чтобы запомнить, где упало чучело, глядя в другую сторону, а затем оставаться на одном месте, не мешая собаке. Собака отслеживает взгляд проводника.

Старые тренеры, занимающиеся дрессировкой подружейных собак, применяют достаточно грубые приемы, часто они используют методы, которые я считаю просто жестокими. Я присутствовала на семинарах, где ведущие тренеры выступали за то, чтобы жестко удерживать собаку, бить ее смертным боем. И все для того, чтобы научить ее делать все правильно. Я все это видела, что заставило меня страдать так, как будто это меня мучили подобным образом. Эти тренеры утверждали, что только так можно научить собаку выполнять то, что ей сказано, но я точно знаю, что для этого есть и другие способы.

Я занялась дрессировкой подружейных собак, во-первых, из-за того, что хотела показать иной подход, и, во-вторых, мне нравилось наблюдать, как гуманно воспитанная собака делает все возможное, чтобы угодить человеку, максимально используя при этом свои природные инстинкты. Это удивительное зрелище, и вскоре Раффлз стал одним из лучших. Менестрель тоже был готов работать, однако я никогда не была уверена в том, что он достаточно хорошо выполнит требуемое...

Раффлз был настолько хорош, что когда у меня не было времени поиграть с ним, он придумал собственную игру. Если в саду валялась бумажка, он ждал, когда ветер поднимет ее в воздух, а затем практиковал внутренний контроль, выполняя команды «сидеть» и «стоять», пока бумажка не отлетит подальше. В этот момент он наконец позволял себе преследовать улетающий клочок бумаги. Казалось, что какой-то невидимый человек управляет его действиями. Если ветра не было, Раффлз прыгал на бумажку, топчась лапами, чтобы заставить ее двигаться. Было очень забавно наблюдать за его ужимками.

Энди – очень хороший тренер, и мы с ним хотели работать вместе и выступать с нашими собаками. При дрессировке подружейных собак нужно уметь очень точно рассчитывать время, выбирая нужный момент для того, чтобы перехватить собаку прежде, чем она сорвется с места. Чем лучше вы сумеете предсказать, что она будет делать, тем легче вам будет дрессировать ее.

Одной из тех замечательных собак, которые вошли в мою жизнь после смерти Раффлза, был Дилл. Он родился в помете кокер-спаниелей у тренера подружейных собак, с которым я познакомилась на соревнованиях, Чарльза Морриса, управлявшего традиционной фермой в Мидлендсе, где разводил шайрских лошадей и свиней породы глостерская старая пятнистая.

Чарльз выглядел так, как будто явился из давным-давно исчезнувшего мира, и совсем не вписывался в современную эпоху. К сожалению, позднее он умер от сердечного приступа, когда разбрасывал сено своим животным. Это стало для многих, кто знал его, настоящим шоком, потому что он казался очень крепким мужчиной. Его похороны, на которые мы с Энди сочли необходимым пойти, стали своего рода необычным событием.

Мы взяли отгулы на работе, и, как обычно, времени у нас было в обрез. Съехав с шоссе М42 на двухполосную дорогу, мы попали в череду медленно движущихся машин и начали беспокоиться, сумеем ли попасть на церемонию вовремя. Через некоторое время мы увидели: проблема заключалась в том, что автомобиль перед нами ехал очень медленно и задерживал движение. Другим машинам приходилось одна за другой объезжать его. И только подъехав поближе, мы поняли, что впереди нас шли две красивые шайрские лошади, запряженные в телегу с фермы, на которой стоял гроб Чарльза. На самом деле мы оказались частью похоронной процессии. Нам показалось очень правильным, что в последний путь его везли лошади, которых он так любил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.